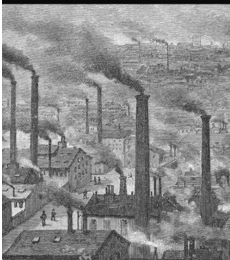

М И Х А И Л
ВЕЛЛЕР

ШАЙКА ИДИОТОВЪ

Издание 2-е,
дополненное

Михаил Иосифович Веллер
Шайка идиотов
Серия «Книги Михаила Веллера»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63346266
Шайка идиотов: Издательство АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-138641-2

Аннотация

Новая книга Михаила Веллера – о романтике и многообразии жизни в Советском Союзе, где собственные приключения и смены профессий автора соединены с анализом коммунистической мечты и наступившего мирового пожара.

Издание 2-е, дополненное

Содержание

Первое личное предисловие. Как я был пролетарием	5
Второе личное предисловие как я был социалистом	11
Личное предисловие третье как я был совслужащим интеллигентом	18
Личное предисловие четвертое как я был капиталистом	25
Битва ложки с лопатой	33
Боевая птица цвета ультрамарин	33
Победные грабли социализма	41
Ход истории	48
Долгий полет мечты	62
Воскрешения упрямого феникса	73
Маркс	87
Постмаркс	103
Закон малой группы	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Михаил Веллер

Шайка идиотов

© М. Веллер, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Он ворвался в дом, попукивая и отбивая чечетку, то есть на своем языке предупреждая людей о страшной опасности, грозившей им всем. И хозяин дома взял клюшку для гольфа и вышиб ему мозги.

Курт Воннегут, «Завтрак для чемпионов».

Первое личное предисловие.

Как я был пролетарием

Совсем молоденьким парнишкой впервые переступил он порог проходной. Такими фразами начинали когда-то мы, молодые и циничные советские газетчики, обязательные материалы о рабочих-передовиках. И хохотали над продуктом собственной пропаганды – штампами, ставшими издевкой.

Итак, сегодня я о себе.

Мой славный трудовой путь, длинный и извилистый, как полет шмеля в лабиринте, начался в шестнадцать лет... шестнадцать было мне, скользкий путь, коготок увяз... короче: я его начал, и он начался. После девятого класса. Летом.

Делать было нечего, и друг Леша Карпович нашел гениальное занятие. Мужское, денежное, интересное и смешное. Водитель электрокара. В УПП слепых. УПП – это учебно-производственное предприятие, если кто не знал. Они делали всякие железные крючки, задвижки и уголки, и складывали в ящики. А мы эти ящики ставили на площадку кара (он вообще-то мужского рода, но всем нравилось произносить в женском) и отвозили на склад. А нашим работягам развозили заготовки.

Там и одному карщику делать было нечего. А зарплата ма-

ленькая, и не найти даже одного. И вот директор этой артели «Анютинны глазки», как тут же прозвал ее веселый Леша, взял нас двоих на одну зарплату: как несовершеннолетних, учениками, на половину рабочего дня и за половину зарплаты. Учениками мы были один день: сделали по паре кругов на этой электротележке и расписались в ведомости, что прошли двухнедельный курс обучения, плюс подпись за технику безопасности. После чего были уже водителями внутризаводского транспорта на электрическом ходу, в таком духе. Да, а за цинизм отзывов о коллективе вы рабочих подростков не презирайте: пролетарский юмор вообще прост и прям.

Наш пол-ставочный рабочий день продолжался четыре часа у каждого, и мы проводили на работе все восемь часов вместе, от полного не фиг делать. Разъезжали по большому прохладному сараю, регулируя двумя рукоятками скорость и направление и огибая углы. Бегали слепым за бутылкой и выпивали с ними портвейн.

Это приятное чувство в шестнадцать лет. Нет, портвейн тоже, но я имею в виду – быть рабочим человеком. Трудящимся. Полноправным. Это придает самоуважения и весомости.

Через месяц мы получили по сорок рублей. Собственных, заработанных. Это по половине взрослой зарплаты. Вообще выходило по сорок пять, но десятку директор взял себе, и сказать ему юные пролетарии, конечно, ничего не посмели.

Второй раз... Второй раз мне как пролетарию было уже

двадцать три года. Я успел кончить школу и университет, побывать пионервожатым, воспитателем и учителем. Повредить себе нервную систему и утомиться безденежьем. Пришел в отдел кадров ЖБК – комбината железобетонных конструкций – и сказал, что по объявлению хочу в бетонщики. Людей не хватает, оформили тут же.

Огромный высокий ангар. С высокой стены – несколько суставчатых рукавов подачи бетона. Под ними – вибростолы, при каждом – маленький подъемный кран с кнопчным регулятором на проводе. На каждый стол с краном – бригада шесть человек. Не спрашивайте, почему шесть. А так.

На стол краном опускается чугунная фигурная ванна – метра три на два. В круглые технологические отверстия по сторонам вставляются металлические цилиндры – закладные. Сверху подводится рукав и дозированно валится туда бетон. После чего – ванна с бетоном закрывается, при помощи крана же, поддоном, и они стягиваются струбцинами. Врубается вибратор стола, и все оглушительно грохочет и трясется – это и есть вредность, за которую дается молоко. Пять минут все глухие и курят.

Ну а потом мостовой кран поднимает всю конструкцию и везет вдоль рельс в дальний конец цеха, а ты идешь туда, развинчиваешь струбцины, вынимаешь закладные и несешь все обратно к столу. Бетонная конструкция сохнет на поддоне, кран тащит ванну обратно, цикл повторяется.

Зачем, говорите, это описание? А, не любите пролетари-

ат, не интересуетесь? Короче: бухали на рабочем месте чуть не ежедневно. После смены – душ, и в половине четвертого свободен до завтра. Мыслей – ноль, ответственности – ноль. Двести рублей в месяц. Вдвое больше учительской ставки. А научить можно шимпанзе за час.

Слушайте, я вам всю свою пролетарскую биографию не буду подробно излагать: и мне длинно, и вам надоест. Вот еще рабочая точка на жизненном пути:

Слесарь-сборщик на заводе металлоконструкций. Тоже двести в месяц выходило, тоже в половине седьмого через проходную, тоже в половине четвертого выходишь свободный на улицу.

Зимой, в глухой ночи, до семи часов все сидят осовело на табуретках, спят и курят. Просыпаются. В семь включают станки и начинается шевеление. В одиннадцать будет обед, а потом еще успеют сыграть в карты.

Здесь не пьют. Здесь сверлильные станки, электрозубило, гильотина, много чего. Первые дни месяца валяют дурака: начальство не чешется обеспечить работу и материалы. В конце месяца авралят, упираются до вечера, выходят по выходным: план, зарплата, премия. Но. Никто не переламывается. По большому счету всем все до фонаря. Однако рабочая этика присутствует: работать надо, как следует работать. Есть такое понимание.

Не знаю, стоит ли добавлять к геройскому списку работу на фабрике музыкальных инструментов, где я не делал почти

ничего. Ну, так вышло. Но зарплату получал.

...Я почему отобрал именно эти примеры? Потому что это было именно организованное плановое производство, большой рабочий коллектив, и трудились там представители именно рабочего класса, беспримесные. Мы выполняли план и получали зарплаты в рамках тарифной сетки. За нас думал фюрер. Чего делать, сколько делать, когда делать – тебе все скажут. Обеспечат материалами и инструментом. А не обеспечат – хрен ты его где возьмешь. Ори бригадиру и мастеру, чтоб обеспечил. А лучше – сиди ровно, все будет как будет. Плохо работаешь – не выгонят, хорошо работаешь – много не приплатят: здесь бригада, цех, завод, фонд заработной платы, план – и все со всем увязано. Или не увязано.

Этот рабочий класс был владельцем, хозяином всей страны – в том числе своего завода. В чем это выражалось? Вот в вышесказанном. Но:

От нас ничего не зависело! Мы, хозяева социалистической собственности – никак не могли влиять на свою собственность. Мы знать не знали, кем и как тот план составлен, кто нас обеспечивает сырьем и куда идет продукция. И даже мыслей не было, как преобразовать завод, чтоб делал он чего надо и сколько надо. Мы чего? – мы работяги. Нам сказали – мы делаем.

Промышленный пролетариат, в рядах которого я имел честь состоять – люди разные, как и везде. В основном – нормальные хорошие ребята. Но одно роднит безусловно: они

и в мыслях не имеют рулить производством. Их организационные способности близки к нулю. Они заполняют клеточки созданной для них структуры. Безынициативны, простите. Именно уровень мышления, образования, изобретательности... но простите, не далеко ли мы забежали вперед.

Второе личное предисловие как я был социалистом

В юбилейный год 50-летия Великого Октября – Всесоюзный Студенческий Строительный Отряд имени этого события разъехался летом по стройкам страны. Кто как, а мы были комсомольцы, студенты, коммунизм был будущим планеты, и нам был нужен смысл именно нашей жизни. Мы тосковали по Интербригадам Республиканской Испании. Нам звучал Окуджава: «Я все равно паду на той, на той единственной, Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной».

Кино дайте! Колонна в светло-серой форме африканско-военного типа шагала по всему Невскому до Московского вокзала, эшелоны под посадкой, трое суток через бесконечную степь и пустыню, горячий ветер в открытые двери тамбуров, гитары и бесконечная радость больших и нужных дел. Коснуться романтики и себя испытать.

И стоял наш отряд гуманитаров Ленинградского университета на Мангышлаке. И строили мы железную дорогу и ПГС – «промышленные и гражданские сооружения», была такая аббревиатура. Жили в палатках, вкалывали по десять часов в сутки, иногда по двенадцать, а температура была в пустыне сорок пять днем.

А бригады были: филологи, историки, философы и еще географов с биологопочвенниками нам сунули. У каждой бригады – своя палатка, свой бригадир, свой объект, свой фронт работ. Кухня, столовая, трехразовое питание, штаб: командир-комиссар-завхоз-врач.

А деньги мы делили так: бригадная коммуна. Все в общий котел бригады. И делим поровну. Но – общим собранием проголосовали за коэффициент: более нуждающимся, у кого в семье доход низкий, родители помочь не могут – коэффициент 1,2. А девочкам – трое у нас было из 20 – коэффициент 0,8. Причем: нашим троим, помнится, особо нуждающимся мы предложили добавить сами, и девочки попросили себе уменьшить тоже сами.

Вкалывали от пуза. Надрывались как могли. И каждый норовил встать на тяжелую работу, а не легкую. Такие были отношения.

А уж наряды на работу вырывал наш бугор. Вечером на планерке всегда стояла пря. Бригадиры торговались, командир с мастером следили за справедливостью дележки фронта работ.

И вот через месяц пожаловал районный комиссар. Дармояд. Молодой номенклатурщик. Мы вкалываем для страны – а он осуществляет идеологическую болтологию. В столовой нашей фанерной – общее собрание отряда. И он, уверенный тридцатилетний функционер: сбрить бороды и установить отрядную коммуны – деньги на все 100 человек поров-

ну. Про бороды ему ответили, что в Уставе ССО бриться нет. Сухой закон, дисциплина – есть. А бриться – нет. Не фиг. А про отрядную коммуну – этого тоже в Уставе нет. И мы не желаем. Одни работают так, другие эдак: не фиг. Бригадную коммуну мы установили сами, никто не велел, это справедливо, а отрядная – нет! Не хотим! Как работаем – так и получим! Иначе только переругаемся, и будет казаться, что ты здесь работаешь, а они там в тенечке курят.

Комиссар долго кряхтел и уговаривал. С тем и уехал. А мы остались с чувством своей правоты и справедливости. Наряды закрывались на бригаду. С кем вместе пашешь – с тем и получаешь.

Аналогичная история через год произошла в следующем стройотряде, на Таймыре. Ну, там нас уже недолго уговаривали.

И чего им надо было? Но получили, значит, такое указание: больше уравниловки – больше коммунистической сознательности.

Позднее в бригаде грузчиков на станции Московская-Товарная тоже все получали поровну, хотя первую неделю я думал, что сдохну: а из круга с погрузкой-разгрузкой ведь не выйдешь, пыхтишь со всеми ровно.

И когда работали мы своей бригадой под Кандалакшей, на Белом море, в смысле в лесу под сопками. Валили лес, вели просеку, били канаву – дорогу строили. Девять рыл плюс повариха. Одного выбрали, поставили бугром: вырывать рабо-

ту, закрывать наряды. Пахали по полной, ели от пуза. Деньги поровну, бугру – коэффициент 1,2. Никаких споров.

Лето моей любви – алтайские скотогоны! С мая по сентябрь, пять месяцев. Семь гонщиков, семь коней, две тысячи барана, триста голов сарлыка – из Монголии и по всему Уймону, до Бийска. Да ожидание, да на подхват. Зарплата равная и ничтожная, заработок складывается из премий: за сохранность, за приход в срок, за плановый привес, за сверхплановый привес. Рабочих часов и дней наших ненормированных бухгалтерия потом в конторе начисляет всей бригаде поровну, и заработок – поровну. Иное не мыслилось.

А на валке леса выписывали деньги не поровну. Вальщику – больше, помощнику – меньше, сучкорубам – еще меньше. Но мы, во-первых, менялись, а во-вторых гнали давай-давай. И вырывали себе хорошие аккорды. Так что договорились – опять же, поровну. Так оно веселей дело шло, чтоб ребятам в охотку работать было. Ну, тракторист на трелевщике был на своей зарплате, он отдельно, он все вывозить успевал и еще ждал нас.

Самая гордая запись в моих трудовых книжках – «бригадный стрелок». Наполеоновский егерь, бя! Это промысловая охота на Севере, в низовьях Пясины. Отстрел дикого северного оленя. (Давно то было.) Нас на Рассохе, так точка называлась, стояло девять человек, один старший, и повариха. Двое – «мотористы» – на своих дюральках с «Вихрями». Двое – «стрелки» – с двустволками. Оленя бьют на

переправе, табун плышет медленно и беспомощен, а полый волос держит тушу на воде. Стреляют почти в упор, патроны давали с дробью, все равно кучно и наповал. А потом на берегу вся бригада свежует до изнеможения ряды туш и готовит мясо к вывозу вертолетом. Тяжелая работа и неприятная, в общем. Да, так тоже получали поровну. Полный пай поварихи – закон, а старший скромняга был, от своего коэффициента отказался.

Была еще разгрузка бригадой сейнеров на Камчатке в пугину, были еще подобные работы, но суть одна. Ты вкалываешь рядом с камрадами на совесть, и вы получаете поровну. Отношения нормальные. Ленивого, хилого или хитрого выгонят в первый день.

...У нас чего не было? Никакой собственности на средства производства. Даже инструменты были конторы, от которой работали. Вот только на охоте лодки и ружья свои. Вроде, пролетарии.

Но у нас чего было? Во-первых, сдельщина. Сколько поработаешь – столько заработаешь. Это вдохновляет. Стимулирует и повышает рабочий настрой.

А еще у нас была инициатива и придумки. Мы сами распределялись по ролям и должностям, сами устанавливали себе рабочий день и неделю, сами кормились. Сами отбивали лопаты и делали к ним длинные ручки, сами показывали в мастерской, какие варить лапы к ломам, сами мастерили настилы и вешала для туш на охоте, и многое другое.

Бригадный подряд, артельная коммуна – дело хорошее, правильное и для человеческой нормальной психологии естественное. При условии! Что в команде нет конфликтных людей, и что все хотят и могут хорошо и честно работать. И ты берешь на себя ответственность: можно хорошо поработать и заработать – а можно пролететь в ноль и в минус, это от вас самих зависит, а еще от случая иногда. Это не всем подходит.

«Ячейковый социализм» вот на таком артельном уровне – эффективен, хорош. Но. Купить технику и оборудование и создать кооперативное предприятие, кооперативную строительную фирму или заводик – это советская власть запрещала. Это противоречит догме социализма – собственность на средства производства должна быть общенародная, государственная.

(Кстати. Газеты и комсомольские вожди старательно противопоставляли стройотряды – шабашником. Одни – за социалистический труд согласно коммунистическим принципам, а другие – рвачи, отрывка капитализма. Хотя по сути, по делу – разницы не было никакой. Одни с помпой – другие без помпы. Одних дурили – а вторые обманывать себя не позволяли. Разве что – одни могли по молодости и идеализму рвать жилы за маленький заработок, а другие – шалишь, без хороших денег работы не будет. Ну, и шабашники работали гораздо эффективнее, конечно.

Шабашники за время работ давали 300 – 700 % плана. Се-

микратная производительность. Квалифицированно и добросовестно. Местное начальство экстренно латало ими дыры в своих строительных планах. Местные работяги их ненавидели. Почему местные сами так не работали и не зарабатывали? А, план, привычка, расслабуха, хватку утерjali, да и начальство жаба душит платить собственным работягам больше, чем себе.

Госплановый работник против сдельщика никогда не сдюжит, показала жизнь. «Большой социализм» в конкретном масштабе против «артельного социализма» не тянет.)

Дальше вы знаете. Перестройка. Социализм загибался без личной инициативы, заинтересованности и свободы. Разрешили кооперативы. И социализм загнулся, но уже по другой причине – экономической провальности и неконкурентоспособности.

И оболваненный социалистической доктриной «мозг нации» с такой же убежденностью, но с обратным знаком, объявил капитализм со свободным рынком панацеей от всех бед. Капитализм без берегов, бя! Ну и утонули.

Личное предисловие третье как я был совслужащим интеллигентом

Как начнешь писать предисловия – потом не остановишься.

Здесь все совсем просто. Насчет интеллигентных-то профессий. И наиболее знакомо читающему человеку. Книгочею, то есть, и грамотею.

Итак. Где я был и что я видел. Кто еще помнит такую книжку?

Пионервожатый.

Воспитатель.

Учитель.

Корректор.

Младший научный сотрудник музея.

Корреспондент многотиражной газеты.

Завотделом культуры той же газеты (она была большая).

Журналист республиканской газеты.

Завотделом литературного журнала.

И скажу я вам, по всему по этому, следующее:

Учитель – это очень тяжелая работа. Огромные нагрузки, причем в основном психические. Сорок пять минут урока все твоё внимание – в полном напряге. Не считая подготовки, тетрадей, планов, классного руководства и разных мело-

чей. Может, я излишне напрягался. Но в школе вообще тяжело работать, если честно и добросовестно. Тридцать-сорок человек перед тобой, все разные, они все вот сейчас взрослеют и формируются, они люди со всеми своими мыслями и чувствами, очень подвижные и ранимые, а могут быть очень жестокими, и они же дети. Это отдельный разговор.

Корректор – очень муторная и утомительная работа. Вот где не расслабишься. Через пару часов глаз замыливается и перестаешь соображать. Недаром практически все корректоры – женщины. Они гораздо способнее к мелкой кропотливой работе: внимательнее, терпеливее, расторопнее.

Остальные мои «культурные» работы – не бей лежачего. Языком молоть – не уголек колоть. Можно опоздать, уйти раньше, отлучиться, болтать с коллегами и пить кофе. Начинаешь понимать классовое чувство пролетария к интеллигенту: белоручка, болтун, чистоплюй, бездельник. Чего-нибудь слегка поделал между прочим – и дальше курит.

Профессия журналиста придает человеку наглость, часто ему вообще не свойственную. Он не сам по себе – за ним его газета (журнал, радио, ТВ). Он – податель славы: с кем беседует – того и прославит. Или ославит, наоборот. Перед ним начинают заискивать, хотя хорошо выглядеть. Журналист может задавать «неудобные» вопросы. От него может пахнуть неприятностями: обольет помоями в прессе. Это частности, это отнюдь не всегда, но: профессия журналиста сразу придает тебе значительности. Ну хоть: ты можешь разгова-

ривать на равных с большим человеком, который по жизни тебя вообще не заметит.

Ну и, конечно, тут уже нужно сколько-то головы и как-то подвешенный язык. Вовсе тупой журналистом быть не может, даже самого низкого уровня. Хотя идиотов полно.

Короче: любой интеллигент может быть средним работягой. Но даже хороший работяга отнюдь не всегда может быть среднеприличным учителем, научным сотрудником или журналистом. Ребята, тут налицо человеческая дифференциация по качеству. Какому? А главному. Которое сделало человека человеком. По качеству мозга.

Вот поэтому были бригады профессоров-шабашников и доцентов-лесорубов. Которые за два летних месяца – отпуск плюс за свой счет – зарабатывали столько, сколько за год своей интеллигентской деятельности. И классно работали! Было бы здоровье.

И тут – вопрос, который много лет советской жизни не давал мне покоя:

Рабочий класс – передовой. Главный. Кстати, и оплачивается неплохо. Сознательный рабочий должен работать над собой, учиться, овладевать знаниями. И вот:

Рабочий получает двести и учится в институте на вечернем отделении. Он очень передовой. Вот он получает диплом и становится инженером на том же заводе. И что?! Во-первых, он больше не передовой рабочий класс-гегемон, а межклассовая прослойка – советская интеллигенция. Во-

вторых, он получает уже не двести как рабочий, а сто тридцать как инженер. Да ни хера себе ваши пряники! Он что – учился, как быть бедным? С него что – удерживают налог на образованность?

Другой пример: «скорая» едет на вызов. В салоне: врач, ставка – сто рублей, медсестра – семьдесят рублей, водитель, который довозит их до места – двести рублей, за классность. Больше их обоих. Он доехал и курит, они, квалифицированные медики, откачивают больного. Это как?! А вот так. Дальше понимаете: если водитель с перепугу выучится на врача – не видать ему спокойной жизни и своей зарплаты.

А чего тогда шли учиться, рвались в вузы, получали дипломы? – Престиж. Перспектива. Социальный уровень и статус. Самоуважение и отношение окружающих. Людей до конца демагогией не обманешь: в работяги пойти любой может, и никогда не поздно.

И еще: природный инстинкт, вселенский вообще и социальный в частности: ты должен делать в жизни самое большое, на что способен. Потребность в реализации своих способностей, кроме прочего, вела и гнала школьных выпускников в учителя, инженеры, врачи и научные сотрудники. Единицы становились светилами и академиками, но и каждый десятый достигал высокой степени квалификации, положения и заработка.

Были советские интеллигенты такими же наемными государственными служащими, как и все прочие сословия. Пла-

новая работа и тарифная сетка.

Советские песни про рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию – в социальном смысле пустое вранье, демагогия. Государству принадлежало все, и государство решало и определяло все. Только государство могло принять тебя на работу и указывало: чего делать и сколько получишь. Ежели марксизм определяет классы по отношению к собственности на средства производства – один был класс: наемные работники государства.

Это очень важно. Это принципиально.

... Чем опасно вранье? И что это вообще такое?

Вранье – это заведомая подача неверной информации адресату – для получения от адресата нужной реакции. Скажем, чтобы адресат мало ел, много работал и верил руководству.

Но. Информация имеет свойство распространяться и самоумножаться вследствие динамики материальных процессов. Эффект мультипликации, умножения. Ошибка в одном знаке на начальном этапе вычислений – дает ошибку в десять знаков в итоге, аналогия понятна? Так это даже не аналогия – это простейшая математическая модель реальности.

По мере времени – все в СССР официально ввали друг другу все больше и больше. Одну ложь – необходимо было компенсировать другой, большей ложью. Над Госпланом издевались в анекдотах еще 1960-х годов. К 1980 административно-командная система окостенела – лживый вал от-

четов снизу порождал абсурдный вал указаний сверху. Инстинкт самосохранения системы обусловил саботаж верховных указаний многоступенчатой исполнительской пирамидой. Экономика перестала функционировать – а определяющая ее политика уже не могла принимать адекватные решения: все было пронизано ложью и демагогией. Делали много ненужного – и с трудом делали мало нужного, причем некачественного.

Лгала творческая интеллигенция, журналисты и писатели, художники и композиторы, наспиговывая свои произведения марксизмом-ленинизмом и генеральной линией партии. Лгала партноменклатура со всех трибун о наших небывалых успехах и невиданном счастье.

Политбюро брежневских старцев – это портрет склероза головного мозга Советского Союза.

Именно интеллигенция – от членов высшей партноменклатуры и до студенчества, образованной молодежи, квалифицированных технарей и гуманитаров – снесла СССР. Вот чем кончается намеренная и целенаправленная ложь, вы понимаете? Что весь порядок вещей (не будем употреблять слова типа «аттрактор», уважая широкие слои) – стремится привести информацию в соответствие с реальностью. А реальность – в соответствие с информацией. Они не встречаются в пространстве и рушатся, противореча друг другу.

Именно в нашем запущенном случае реальность обрушилась вслед за информацией. Она сама неверную информа-

цию и продуцировала.

Ложь хоронит самого лжеца. Вот как это называется. Отдельный лжец может процветать всю жизнь – окружающая система за свой счет компенсирует и выправляет его зловредную деятельность. Лжец паразитирует на окружающей среде.

Но. Если на лжи стоит государственная идеология. То на ней же встанет и государственная политика, и экономика. А если вдобавок это государство противопоставляет себя другим. То оно само себя разрушает и похоронит раньше или позже.

Ложь – это самоубийство.

Личное предисловие четвертое

как я был капиталистом

Как вы могли заметить, я медленно и неуклонно, хотя порой и неожиданными зигзагами, поднимался по ступеням социальной иерархии. И роль спрута-эксплуататора явилась логическим завершением и венцом моей карьеры.

В 1988 году разваливающийся в экономическом параличе Советский Союз разрешил создавать кооперативы. Кооперативы мгновенно приступили к расхищению ничейно-общенародной собственности. Одновременно выяснилось, что воруют не все. Это удивляло и обнадеживало.

Из всех видов предпринимательства меня всю жизнь влекло только одно: самому издавать книги. Причем свои собственные. Мысль ужасная мне душу омрачала всю сознательную жизнь: почему, написав книгу, сдав ее на проверку цензуре, ничего антисоветского, я не могу отнести рукопись в типографию, заплатить и издать. За свои деньги. Которые найду где угодно – это моя проблема. Без издательства с его планами на пять лет вперед и редакторов с их идиотскими советами и поправками. Ну почему нельзя?!

Так вот, закон о кооперативах имел массу ограничений. В частности – запрет на любую издательскую деятельность. Чтоб к множительной и типографской технике близко част-

ника не подпускать: мало ли что он напечатает!

Человек пятнадцать в Союзе одновременно сообразили, как этот запрет обойти. Ты регистрируешь фирму, акционерку, товарищество: папка с уставом, печатью и банковским счетом покупалась в юридическом кооперативе за гроши, там это поставили на поток. В протокол собрания акционеров впечатывали твою фамилию директором этой шарашкиной конторы, плати и иди.

А шел ты к директору издательства, государственного, советского, и объяснял ему, что принес чистую прибыль без хлопот. Вы заключаете договор подряда на исполнение вспомогательных издательских работ. И перечисляете списком абсолютно все, из чего издательская работа состоит. Но юридический издатель – он, госиздательство. Издательство выдает тебе доверенность на все твои вспомогательные операции. А что оно имеет? Десять процентов чистой прибыли! Пять – на счет издательства, а еще пять – в фонд целевого материального поощрения сотрудников. Сотрудники – это директор, главный бухгалтер и начальник юридического отдела. Обычно так.

Денег издательство не дает тебе ни копейки. Только получает. Но – нужна репутация, тебя должны знать и поверить.

Первая бумага – бесплатно – нашлась прямо в одной типографии. Четыре тонны сэкономленной неучтенки. Ее согласились уступить за двойную цену, при условии что и оплата печати будет по хозрасценкам – 200 %. Им это было страш-

но выгодно.

Так я издал 100 000 «Фермы зверей» Оруэлла – кажется, первым в Союзе. Макет сделал знакомый газетный верстальщик, типографские гранки вычитывала жена, журналист по образованию, слайд для обложки изготовил знакомый же художник. А я всем звонил, отвозил, привозил, подгонял, увязывал и посильно контролировал.

А еще надо было найти книготорговца-оптовика, желательно в Москве. Помогли московские друзья (я тогда жил в Таллине). И надо было с ним договориться: я его за месяц предупреждаю, что и когда пришло, сколько экземпляров и тонн. И какая будет цена.

И заранее договориться с транспортным предприятием, чтобы в нужный день фуры – обычно камазы-восемьтонники – подъехали к складу готовой продукции типографии, а их пропустили и быстро загрузили.

После получения книг в Москве мой контрагент-книготорговец в течение трех дней телеграфом переводил мне всю сумму на банковский счет.

И вот тогда! Я переводил деньги издательству, типографии, транспортникам, рассчитывался за бумагу и налом платил художнику и верстальщику. (Я раздавал пачки купюр из набитого кейса, и по городу шли слухи о моем богатстве.) Плюс директору издательства и директору типографии я относил конверты. О них заранее не заикались, но людям было приятно и полезно, а хорошие деловые отношения необхо-

димом укреплять.

После чего я оставался с суммой, которую в жизни и близко не видел.

Деньги стали иначе выглядеть! Я мог походя, случайно заметив, купить жене дорогую тряпку. Ездил только в СВ. Впервые в жизни мы слетали в Пицунду! Проблема авиабилетов исчезла: проходишь мимо очереди к окошку кассы, бросив насчет своего первого класса, и показываешь девочке вниз за прилавком два пальца: плачу двойной тариф. Случая не было, чтоб билет не нашелся!

Эта система пост-оплаты и работа на доверии была прекрасна. Тебе не нужен стартовый капитал! А за хорошее отношение всегда платишь чуть больше обещанного. И все довольны, и у всех стимул трудиться.

Тебя начинают знать в типографиях и на складах. С тобой хотят иметь дело: он обязателен и хорошо платит. Никого я никогда и близко не подводил. И лишь два человека за все время остались мною недовольны. Один – фотомонтажник в типографии, которого я трижды заставил переделывать картинку на форзац: ему ясно был написан на конверте со слайдом размер в миллиметрах и процентах увеличения – а этот шизофреник лудил нечто собственное и кричал, что он думал про другой формат. А это расход ценной пленки, это брак цеха цветной печати, улетело полтонны глянцевой форзацной бумаги, дикий скандал с начальником цеха. Все непросто, ребята.

А второй недовольный — полковник, зампотыл военной базы. Они себе в незапамятные времена выбрали фонды на типографскую бумагу, ну просто удалось — так надо же брать: и накопилось ее пятьдесят пять тонн в ролях, рулонах то есть. А что делать — не знают. А рядом деньги ходят! А как пристроиться к деньгам — не знают.

Я взял его бумагу за 50 % прибыли от книги. Мы подписали договор — чуть обстоятельнее Варшавского пакта. На этой бумаге я напечатал в Ленинграде первое издание «Приключений майора Звягина». Там было много приключений. С кражей части тиража. С выставлением типографией, славный «Печатный Двор», неправильной цены на обложку. (Потом пришлось нанимать специально склад, бригаду и все 100 000 экземпляров разбандероливать, забивать черной плашкой цену вручную и запаковывать обратно. А это 50 с гаком тонн книг, представьте железнодорожный вагон под крышу забит!) Расчет был налом, конечно, я прибавил за срочность и хорошее отношение, люди были довольны.

Тираж был сдан за шестьсот тысяч, двадцать процентов торговец удержал себе, после расчетов со всеми исполнителями нам с подполковником осталось тысяч триста пятьдесят. И тут он стал скулить и ныть, как пленный: мало ему пополам, дай больше. За что?! Ну, ведь бумага моя. Где бы ты ее продал за три тысячи тонна?! У тебя навар три конца! Эта тварь не желала вникать, что я просыпался ночью в

поезде – и не понимал, в какую сторону еду. Бумагу туда, книги сюда, машины отсюда, макет там, обложечная бумага здесь, корректура уже, слайд на обложку еще не, за цветной печатью проследить, за контрольными оттисками проследить, потом уже ничего не докажешь... И только когда деньги на твоём счету в банке – можно перевести дух.

Предпринимателем быть не просто и не легко, господа голодранцы.

Несколько раз за три года моей издательской деятельности подруливали желающие тоже стать издателями. То работы из типографии, то торговец сникерсами. Чуют же: ходят деньги, а как взять – не знают. Просто же! Но как?

Они не понимали рынок. То есть не разбирались в книгах вообще. Что интересно, кому что надо, что пойдет – не представляли. Ты объясняешь, а он смотрит и не верит: скрываешь секрет, удачливая сволочь.

Один предприимчивый бригадир шабашников потерял все деньги: издал «Катынский расстрел» с фотографиями и еще что-то Колымское. Это было его представление о бестселлерах эпохи, но книги были очень скучные, третьеразрядные, и тиражи встали. Он все у меня допытывался: «Что издать? Я хочу тебя проверить». Не понял, что информация – это капитал. А купить за 10 % прибыли готовый макет хита – отказался, жалко, за что? Хотя это был тогда стандартный вариант.

...Может, вам это неинтересно. Но так начинался рус-

ский капитализм. Честный, без прихватизации. Издательский бизнес был одним из способов быстро разбогатеть. Книжный рынок глотал любые тиражи всех интересных книг. Страна изголодалась по настоящей литературе – то есть пусть и коммерческой, и пустой развлекаловке, американских детективах и любой фантастике, но и классике истории, философии и беллетристики, которой мы были лишены всю свою советскую жизнь. Бизнес в этом плане был легкий и прост: издал – продал.

Вопрос: то, что делал я – мог сделать любой сотрудник типографии, издательства или склада бумаги. Почему они не издавали сами? Ведь денег хотели. Ответ: мозги не те. Энергия не та. Предприимчивость не та. Желания большого нет, которое все преодолевает.

Что я вкладывал в процесс? Энергию, которая систематизировала разные элементы в единую систему издания книги. Энергию интеллектуальную, эмоциональную и чисто физическую. Я продуцировал информацию и обеспечивал организацию материальных процессов по этой информационной модели. Во всем процессе издания книги заменить можно было любой элемент, любого человека и предприятие – кроме меня. Я мог сказать: издательство «Пароль» – это я. И благодаря мне многие люди имели работу и хороший заработок. А я делался сравнительно богат.

И как только вы вставите меня в план и уравниваете мне зарплату – бумага опять будет пропадать, типографии опять

будут недогружены, а хороших и нужных книг опять будет не достать.

Интересно: я не имел ни малейшей собственности на средства производства. Но моя информация и сугубо организационная деятельность были тем моим капиталом, без которого колесо не крутилось.

Сугубо теоретически: я мог купить типографию, магазины и бумажную фабрику. А мог арендовать их. А мог эпизодически размещать на них заказы. Степень «эксплуатации», она же «облагодетельствования» всех работников, от этого не менялась. Все равно я бы получал намного больше. Но если бы я пролетел – без заработка остались бы все работники. Понимаете, о чем я говорю, да?

...Я понимал, что через несколько лет все осматрятся, сообразят, и прибыли разделятся между бумажниками, типографщиками и торговцами. Выживать будут отдельные издательства, мощные или маленькие любительско-целевые.

А потом деньги съела гайдаровская инфляция, и я уже ничем не отвлекался от писания книг.

Битва ложки с лопатой

Боевая птица цвета ультрамарин

Литература! Художественность! Беллетристика – прекрасное письмо! Чтобы чувства потряслись человеческими драмами, чтоб сладко щемило сердце от проникновенных картин бытия, чтоб глаз не мог насытиться красками, а ухо – звуками. Чтоб пела душа сладкозвучной арфой, рассыпалась клавишами фортепиано и грохотала грозным боевым барабаном: слушайте музыку всемирного построения счастья.

А чтоб помочь им вспоминать, пришлось топтать их и пинать, по спинам их гуляли дубинки и ремни; к ним возвращалась память, но – они не вспомнили одно: где спрятано оружие не вспомнили они.

Счастье всех эпох ломится в наши окна и вышибает двери. Свобода сносит все преграды, пролетарии теряют свои цепи, евреи свою национальность, негры свой цвет, а гомосексуалисты все мыслимые и немыслимые сексуальные ориентации: все равны. А если Бог создал людей неравными – мы упраздняем такого Бога. Незаменимых у нас нет.

Равенство! Могучий асфальтовый каток равенства с палкой-копалкой, рыхлящей путь впереди. Копалка выдержива-

ет наверх всех, кто ниже общего уровня – и следом каток закатывает заподлицо, в плац, в асфальт! – всех, кто торчит выше прочих. Гении и лидеры не нужны нам, народу, и ликующая толпа до горизонта празднует освобождение от неравенства.

Ну и, конечно, братство. Что может быть прекраснее, чем бандит и нищий в объятиях приезжего террориста, отдающиеся братской любви. И слезы умиления на глазах у трех богатырей.

Вы видите эти лазурные небеса с жемчужными тучками? Зелень шелестящей листвы? Разноцветные блузки, знамена всех цветов радуги, сияющие глаза и белоснежные зубы? Причем не отдельно от лиц, а все вместе, в комплекте, как удостоверение... э-э... ну, молодости, здоровья, оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. Да. Именно в завтрашнем. А над головами их парит и трепещет птица счастья завтрашнего дня.

Любой дурак может написать, что Маша любит Колю, а Коля любит Васю, а Вася любит Россию. А вот ты покажи, как омоновец читает нетленный шедевр Булгакова: нога хрясь! – и пополам! Крупно: нога, крупно: «Мастер и Маргарита», крупно: судья – «сам себе сломал, да еще себя и высек».

Нюхни, чем пахнет обезглавленная статуя Колумба, Адмирала Моря-Океана: как тяжкий бронзовый истукан рушится с пьестала, вминаясь в асфальт, как раскалывается

мраморный памятник, рушась на цементную площадь, как потом, парфюмом, травкой и восторгом пахнут разгоряченные молодые тела социалистов.

Крупным планом, пожалуйста: камера панорамирует по недоуменным лицам. Лидеры коммунизма вздрогнули, воинствующие атеисты неожиданно и неумело перекрестились – и вот они уже олигархи, акулы капитализма, угнетатели. А народ, от Москвы до самых до окраин, проходит как хозяин мимо всего своего народного добра и получает роль в знаменитом романе «Принц и нищий». Одежда народа, запах народа... нет? простите, это запах бомжей? черт, а еще вчера они тоже были народ.

Но это позавчерашняя газета. А вот свежий номерок, завтрашний, еще краской пахнет. Неужели: беломраморные виллы, голубые бассейны, преданная охрана, а за периметрами хозяйских поселков – нищий вымирающий плебс всех стран, никому не нужный и кормящийся подачками? Вот – литература! Вот – изобразительный ряд! Художественный прием, который ни разу не художественный. Улыбчивые лица злодеев – крупно! Серые облики простолюдинов – общий план!

Литература – это когда тебе нечем кормить семью, а босс ездит на «майбахе», и ты мечтаешь о гранатомете, и подробно воображаешь, как взрывается комом огня черная лакированная коробка. Это когда ты смотришь в телевизоре, а хоть и в компьютере, Багамские острова, зная, что никогда там не

будешь. Литература – это когда богатство, слава, здоровье и красота достались не тебе – и ты идешь на оружейный сайт.

Ростов – город контрастов: вчера шел дождь, а сегодня за-резали. Контрасты – это: простой деревенский парень получил бесплатное образование и стал академиком – а его сосед, тоже простой деревенский парень, сгинул в концлагере на Колыме.

Литература – это о человеке: его мысли и чувства, его счастье и страдания, надежды и планы. Былое и думы. Взгляд в будущее. Это постижение: почему несправедливость? Почему за добро не воздают по заслугам? Ты хороший, работающий и добрый – где обещанное счастье, отданное подонку?

Все восстания и надежды мира, все победы и поражения, все попытки постичь смысл жизни и дать счастье, каждому, бесплатно, и пусть никто не уйдет обиженным! – и каждая черточка на каждом лице, каждая складка одежды, каждый звук голоса и шорох кустов, звяканье гильзы и звон бутылки, стук дубины и вздох любви – все это и есть литература.

И с древнейших времен излюбленной ее тема – человек, вступивший в борьбу с роком за обладание счастьем.

Не раз и не десять эта борьба приводила к взрыву, сметавшему все вокруг и рушившему народы и царства. И гордо реял буревестник, безмозглая, в сущности, птица, пока ему не подрезали крылья и не съедали вследствие бескормицы.

Вы чувствуете поднявшийся ветер? Вы слышите крики толпы? Вы видите крушение устоев?

В общем, здесь пара слов о том, что с нами происходит – и произойдет в ближайшем будущем. И каков шанс этого избежать и выжить.

НЕТ В ЖИЗНИ СЧАСТЬЯ

Эту татуировку любой старик в России видел не раз. На плече или на груди, или на ином каком месте – синие буквы на белой или смугловатой коже. Баня, берег речки, снятая рубаха. И буквы эти означали битую-тертую судьбу, скорую готовность к драке и усмешливый стоицизм одиночки, не верящего в подарки и умеющего не отдать свое.

Почему же его, проклятого, нет? В смысле обещанного счастья?

Вот мужчины нашего рода охотились на кабана, а он пропался и распорол мне ногу – а хромой теперь не охотник и не воин. Спасибо, что есть мне место у огня, и в сытный год покормят; а в голодный – убьют, или бросят в переходе на новую стоянку.

А вот сияют под солнцем ослепительные храмы и уходящие в небо пирамиды, слаженными ударами весел гребцы гонят по Нилу корабль, в тени под навесом сидит знатный писец, раб наливает ему ячменное пиво для утоления жажды – а мы, рабы, в палящем зное отбиваем глыбы в каменоломне.

А вот наступило светлое будущее всего человечества – благодатный феодализм. Гордые рыцари ломают копья на турнирах, и прекрасные дамы слушают песни трубадуров. И

слуги ведут в замок сеньору на первую ночь мою принаряженную невесту, перед тем как жить ей голодную жизнь в соломенной хижине бедняка.

Но справедливое равенство ремесленников и торговцев смело феодалов, прогрохотали городские – буржуазные – революции, и капитализм уравнил в возможностях всех. И так эти возможности удивительно распределились, что у хозяина огромный дом, конюшня и сотня слуг, а мои дети откатывают вагонетки в шахтах, потому что мне их на свой заработок не прокормить...

Тысячелетиями копилась праведная злоба униженных и оскорбленных! И самые непокорные убегали в горы и леса, пели песни о свободе и резали глотки господам. И безымянные пахари слагали легенды о благородных мстителях.

...Итак, вы вспомнили основы школьного учебника истории. Там еще много подробностей. Как крепостные кормилицы выпаивали грудным молоком хозяйских щенков. Как бесправных солдат прогоняли сквозь тысячный строй шпицрутенгов и забивали насмерть. Как вешали детей за кражу поросенка и сжигали соседей за неправильную молитву.

Вот карикатура: пузатый капиталист во фраке, цилиндре и полосатых штанах. А вот живопись: Париж, бульвар, за столиком кафе рантье-бездельник пьет аперитивы, и тенистый каштан шелестит над его головой – а на тротуаре голодный Гаврош просит хлеба. Гравюра: голодные лионские ткачи топят фабриканта.

А вот и Эжен наш Де Ла Круа! Крестовский то есть, из старого дворянства, зря ему фамилию в одно слово слепили. Свобода уже среди нас, она на баррикаде, грудь ее обнажена и открыта и выстрелам, и выкармливанню народа живительным соком свободы, и эстетике, наконец!

Присмотритесь внимательней: за ней много теней, туманных силуэтов, далеких фигур!.. Вот Спартак с коротким фракийским мечом во главе гладиаторских легионов, вот Робин Гуд с луком, не дававшим промаха, вот Маздак со своими распределителями всего добра поровну, а вон там Гильом Каль, потрясая копьем, ведет толпу разъяренных крестьян на штурм замка.

Дальше, смотрите дальше, сощурьтесь, если плохо разбираете! Вот ряды крестов вдоль дороги, а вот виселицы, вон те маленькие фигурки – это палачи похаживают на плахах, разминая плечи перед работой.

А здесь, в левом дальнем углу – невольничьи рынки: Александрия, Багдад, Рим... без счета мелких и разных.

В общем, вы все уже поняли. Жизнь вечно была поганая. То есть кому хороша, а кому не очень. Одни сладко жрали, классно пили, наслаждались сексом с лучшими партнерами, выражаясь сегодняшним суконным языком полицейского протокола и рецепта слабительного, и проживали в прекрасных дворцах. Другие пахали по-черному, не смели даже приблизиться к господину, питались отбросами и умирали в нищете. И – странно! – но им это не нравилось. И сильно не

нравилось.

Они думали не менее десяти тысяч лет. С тех пор, как произошла неолитическая революция – но это была еще не та революция, о которой мечтались пламенным сердцам и холодным головам, не говоря о чистых руках – неолитическую революцию чистыми руками не сделаешь. Землю пахать надо.

Они стали пахать землю, сеять и жать – и вместе с семенами посеяли каждый свои возможности, после чего вместе с урожаем пожали неравенство. Появились богатые и бедные, сильные стали отбирать у слабых, образовалось государство, и остальные десять тысяч лет люди мечтали, чтоб это государство было справедливым – а еще лучше, чтоб его не было вовсе. И тогда будет счастье на базе всеобщего равенства, причем равенства в процветании и доброте.

Через десять тысяч лет они додумались до социализма. С чем можете их и поздравить.

Победные грабли социализма

Карл Маркс испытывал такую личную неприязнь к капиталистам, прямо кушать не мог. Простите старую шутку, да ведь и Маркс немолод. Его расчисленная и аргументированная ненависть к капитализму подстегивалась искренним чувством: они присваивали труд наемных рабочих, а он жил в бедности, и все присылаемые Энгельсом деньги мгновенно расходились на что угодно, только не на домашнее хозяйство. Этих крепких хозяйчиков просто надо удавить!

Терзаемый безжалостной рукой безденежья Маркс пророчил в светлом будущем отмену денег вообще. Все будут братья, и работать будут исключительно из потребности трудиться и любви к коллективу. Без денег. Все плоды трудов своих сложат в общую кучу, из которой каждый возьмет себе что нужно. Без излишеств. Но сначала – о, сначала! – надо все отобрать у всех и поделить поровну! Конечно, буржуи будут сопротивляться. И пролетарская диктатура – первый этап рабочего государства, а после второго этапа оно само отомрет и настанет коммунизм! – сначала пролетарская диктатура беспощадно подавит сопротивление буржуазии и отберет у нее все, поскольку это все сделано рабочим классом.

Но сейчас мы не будем вдаваться в построения социалистических теорий; еще наступит время. А окинем вдохновенным взором его сияющие вершины и кратко-кратко

вспомним необыкновенные достижения. Смеяться не надо.

Итак – исторический 1917 год! Социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, свершилась! М-да, а теперь дискотека...

Запретили все партии, кроме собственной. Закрыли все газеты, кроме своих. Экспроприировали все вклады. Национализировали все банки. Объявили свою монополию на все виды внутренней и международной торговли. Учредили карательное ведомство для подавления любого сопротивления своего народа. Запретили владение оружием. Закрыли церкви, репрессировали священников. И – венец! – отменили частную собственность на средства производства. Все наше, народное, государственное!

Разруха и голод наступили в считанные месяцы. Предприятия встали. Крестьяне не отдавали свой хлеб задаром. Наводили ужас карательные экспедиции. Представителей буржуазии – вплоть до учителей и машинисток – сгоняли в группы трудовой повинности, брали в заложники и расстреливали, увольняли с работ и выселяли из городов. Крестьян согнали в «колхозы» и превратили в государственных крепостных. Народ реально обнищал! Но страна ковала горы оружия, через двадцать лет танков и самолетов в СССР было больше, чем в развитых западных странах, вместе взятых!

Про концлагеря, Колыму и Соловки, Дубровлаг и Норильск, 680 тысяч расстрелянных за один только 1937 год и миллионы зэков – и так всем понятно.

В 1941 году, начало страшной войны – за 6 первых месяцев из состава Красной Армии сдались в плен 3,8 миллиона человек, а еще 1 миллион исчез: разбежался по лесам, разбредся по деревням, без вести пропал. Еще 1 миллион во время войны служил в вермахте: воевал против СССР в боевых и вспомогательных частях; и это не считая полицеев!

Еще в 1960 году в советских газетах печатались сводки и таблицы: как мы приблизились к уровню производства 1913 года и превзошли его!

...Нет смысла повторять горестную историю: как не пускали граждан за границу и жили за железным занавесом; как всего не хватало; как гордились оружием и летали в космос, пока не кончились заделы и наработки трофейных проектов, немецких инженеров и коллективов сталинского времени. Но главное: пикнуть не смели! слова сказать против генерального курса Партии не смели! и знали, что и дети с внуками так жить будут!

Ну, потом все рухнуло. Всем этот цирк за колючей проволокой надоел.

Главное – что? Производительность труда в 5–7 раз ниже, чем у капиталистов. Плановое хозяйство заставляет производить то, что никому не нужно, и хренового качества. И всем на все плевать: а не твое, а все равно ничего не изменишь.

Социалистическая Монголия: те же скотоводы-кочевники, только сдавать план по мясу и шерсти государству, все не

твое, плюс госбезопасность. И населения – 700 000 человек на 1,5 миллиона кв. км – 1 человек на 2 квадратных километра то есть был до войны.

Социалистический Китай! 30 миллионов человек умерли от голода, миллионы были уничтожены и репрессированы во время «культурной революции». И был страной третьего мира – пока не ввел элементы рынка и частной собственности на средства производства. То есть: экономическая модель Китая – корпоративное государство типа, близкого к фашистскому (не клеймо, но определение): государство планирует и рулит, но частники также инвестируют и производят, в том числе и главное – на крупных промышленных объектах.

Ортодоксально-социалистическая Северная Корея. Нищая, тоталитарная, голодная и фанатичная. Существует только за счет Китая: она та булавка, которой Китай покалывает в зад «мировое сообщество».

Социалистический Вьетнам. Жесточайшими военными методами объединил страну и за десять лет привел ее к ужасающей нищете. Тогда разрешил приватизацию предприятий, провел рыночные реформы, экономика стала смешанной под общим контролем Партии, и уровень жизни резко поднялся.

Куба! Процветающая Куба! Богатейшая была страна Западного полушария после США и Канады. А вот и социализм: нищета, диктатура коммунистической партии, рас-

стрелы, милитаризация. Из 11-миллионного (в 1959 г было 6,9 млн) населения Кубы 2 миллиона сбежало после социалистической революции.

В Чили социалист и друг СССР доктор Альенде начал проводить социалистические реформы – и мгновенно начались перебои в снабжении, политические убийства и репрессии против недовольных.

Про Венесуэлу упоминать? Каких-то 20 лет социалистических реформ – и из богатой еще недавно страны с ее нефтяными месторождениями, где исчезла еда и лекарства, сбежало 4,5 миллиона человека – 15 % населения!

Европа! Европа! Восточная Европа! Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, Болгария, а также Германская Демократическая (Социалистическая) Республика. Как только разжал когти и испустил дух великий Советский Союз – его «надежные партнеры», проклиная плановое хозяйство и коммунистическую идеологию, мгновенно снесли поганый социализм, устроили радостные демонстрации с объятиями – и приступили к строительству демократий со свободой слова и предпринимательства.

...Господи, сколько слов. Можно бы вместо них оставить чистые страницы. Но ведь не все знают, не все верят...

Вопрос – this is the question! – чего им еще непонятно?!

НИГДЕ социализм не дал свободы – только закабаление в тоталитарном строе, тоталитарная идеология, преследование инакомыслящих, никакой свободы слова.

НИГДЕ не дал экономического процветания – только бедность, распределение дефицита и развал экономики.

НИГДЕ не руководствовался гуманизмом, толерантностью и любовью к человеку – тюрьмы, лагеря, расстрелы, ссылки, запреты на поездки за границу.

НИГДЕ не развивал культуру – запрет книг и кинофильмов, музыки и пьес, все только по предписаниям и под контролем единственной правящей Партии.

НИГДЕ не способствовал расцвету и развитию науки – даже Китай поднимает свою науку на ворованных открытиях и технологиях (как раньше воровал все, что можно, на Западе Советский Союз со своими гипертрофированными разведслужбами).

Хотели как лучше. Вышло как всегда.

...А теперь нюхни оружейную смазку на автомате конвоира, сощурься на блеск бескрайнего снежного наста Колымы, глотни водочки, из нефти перегнанной, другой для тебя нет, послушай лай пограничных овчарок и песню из телевизора – о том, что нигде люди не счастливы так, как в мире социализма.

И спроси себя: борцы за социализм на современном Западе, зажавшемся и распухшем от толерантности и изобилия – они с ума не сошли? Белены не объелись? Может, их марсиане наняли, чтоб Землю от людей освободить?

Мы не сможем понять логику непрофессионалов, сказал Мюллер. А может, они хитрые профессионалы, хмыкнул се-

дой сыщик.

Сейчас мы вскроем логику этих профессионалов. Да, она хитра. Слоеная логика, крученная, но очень внятная и жесткая. То, что в результате этих профессионалов повесят старшие товарищи по борьбе, не должно нас волновать.

Ход истории

Гигантский крот Истории роет свой ход, свой нескончаемый коридор, свой извилистый и прихотливый тоннель цивилизации – под землей. И работа его скрыта от людских глаз и тем самым обычно от людского мозга. По легкой дрожи почвы под ногами, по дальнему гулу и глухим глубинным сотрясениям пытаются люди угадать его направление. Лишь иногда разверзнется пропасть, исчезнет в бездне цивилизация, новые камни выдавятся наверх движением тектонических плит – и в неузнаваемо измененном пейзаже веками налаживают разоренные народы новую жизнь. И поминают предшественников, поглощенных Временем, и поют славу над старыми могилами.

Вот какой красивый зачин я вам спел. А теперь сели за парты и раскрыли учебники. Глава первая: «Как жили наши предки». А жили предки долго, и было их до хрена.

1. Первобытно-общинный строй. (Все названия – условные: обозначения упрощены и обобщены. Не на симпозиуме по истории социологии и философии истории, чай.) Родовая община. Все родственники, потомки одной пары, хотя иногда прихватывали жен из общин, с которыми сталкивались – или эти соперничающие группы побеждали и съедали, или женщин посылно похищали при случае.

Полное соподчинение и единообразие жизни этих людей.

На охоту – все дружно на охоту (едва ли десяток мужчин наберется). На войну – все на войну. Отдых – все отдыхаем. Есть еда – все садимся жрать. Одинаковые дубины и копья, одинаковая одежда из шкур, одинаковое меню – жареная оленина и коренья, собранные женщинами. Вождь рулит – он самый харизматичный, здоровый и сметливый одновременно. Огонь поддерживаем, детей растим, свою территорию защищаем – лес-поле кормят, там живность и растения для пропитания, нам нужно 10–15 квадратных километров на человека, чтоб дичью пропитаться.

Свободы тут – никакой. Как все поступают – так и ты заодно со всеми.

Но свободного времени много. Поохотился удачно – и несколько дней ешь и отдыхаешь, у огня или на солнышке греешься, спишь вволю.

Род разрастается в племя.

2. Рабовладельческий строй. Для этого сначала надо было одомашнить и начать пасти скот – это надежнее и сытнее охоты, всегда есть запас пищи. А когда есть запас пищи – высвобождается время для ремесел и размышлений. Жизнь-то налаживается!

А потом – Великая Неолитическая Революция. То есть: от палки-копалки – к примитивной сохе: грянул научно-технический прогресс! Можно разрыхлить землю, посеять зерна – и собрать много колосьев, много зерна! Сделать запасы хоть на семь лет – зерно, если в сухом и темном укрытии,

можно хранить долго. И молоть, и кушать в голодные, неурожайные то есть, засушливые или дождливые годы.

Племена объединялись временам в союзы племен. Кого вынесет на фарватер эволюции – союзы племен превратятся в народы.

Пахать стали страшно. Как пахарь горб ломает – так еще никакой охотник-собиратель изо дня в день не трудился. Времени и возможностей для отдыха стало меньше. Но всегда кусок хлеба будет – а охотники вымереть могут, если животных мор скосил или они мигрировали подальше в ненастный год.

И вот тут в головы пахарей пришла гениальная мысль. Пленных, захваченных в стычках и битвах, можно больше не есть. Конечно, белковая пища прекрасна и полезна. Но! Если заставить пленного трудиться в поле – он может произвести хлеба куда больше, чем мяса с его собственного тела.

Польза здесь всесторонняя! Во-первых, пленный остался жив. Во-вторых, он делает полезную племени работу. В-третьих, он высвобождает людям племени время для думанья, разных поделок и изобретений. Свободный человек ест хлеб, выращенный рабом – а сам придумывает геометрию, философию, боевой строй фаланги и буквенное письмо.

Раб создает прибавочный продукт, которым кормятся те, кто создают и двигают цивилизацию.

На этом прибавочном продукте стоит основание первых государств. Ибо: нужны профессиональные воины, нужны

администраторы и правящая группа, а также нужны умельцы по работе с металлом и мудрецы, которые много понимают: знают, советуют, предсказывают.

Рабу плохо? А в кастрюле ему было бы лучше? Но – плохо, конечно.

Зато! – рабов много, и вместе они работают так много, и производят так много, что при свободном труде «каждый для себя» столько бы всего наработано не было. На хрена строить пирамиду и вычислять уровень каналов, если можно после работы, которая прокормит семью, отдохнуть в тени, попивая пальмовое вино и закусывая ячменной лепешкой? Еще и спеть можно!

Рабовладельческое государство – оно обеспечивает такую общую производительность, которая больше, БОЛЬШЕ труда свободных людей. Раб жестоко эксплуатируется. Зато: Парфенон, железное оружие, театр, науки и так далее. А раб – кормит, камень добывает, дороги и стены строит, скот пасет.

Но свободы – фор хум хау. Рабу – фига свободы: рабство. Но свободные люди – могут поспать, а могут пойти на агору, а могут затеять поход на соседей, а могут придумать катапульту. И гордятся греки своей свободой. Но ведь и персы, полностью зависимые от царя, в пределах этой своей зависимости вполне свободны: хочешь спать ложись, а хочешь песни пой.

Итоги. Рабы попали в полное рабство. Свободные гражд-

дане обрели свободы несравненно больше, чем раньше. Общество расслоилось, стало сложнее и неоднородным. Общественное производство выросло. Наука, техника и искусство – расцвели чрезвычайно! И мощь, общая мощь народа в государстве, выросла неизмеримо.

Кратко. Общество усложнилось. Общая производительность выросла. Появились свободные люди. Мощь и культура резко поднялись.

Раб – это живая машина дотехнического прогресса. Жестоко относительно свободы. Гуманно относительно убийства и каннибализма. Но прогрессивно.

3. «Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!» Несут такой плакат рабы на демонстрации в Древнем Риме. Бытовал такой анекдот в советские времена, при господстве марксистско-ленинской фразеологии.

Все рабовладельческие государства в конце концов рухнули. Не слышали? Да... Отчего?

Философски говоря, к тому времени восьмидесяти луидо-рам Людовика XIII, как и всему на свете когда-нибудь, пришел конец. Пришел конец и этим государствам. Система исчерпала свой системный ресурс.

Проще? Человек ценит и способен драться только за то, что ему досталось дорогой ценой. «Чудесами богата память их, но скуден морской доход. И то, что досталось ценою зубов – за ту же цену идет.» Сладок лишь трудный хлеб, славна лишь трудная победа, гордость приносит лишь высота и

недоступность покоренной вершины. Тот, кто с честью прошел жестокую школу – уверен в своем моральном праве быть жестоким к другим, если они враги.

Не третье, так девятое поколение рабовладельцев, которые потребляли уже рафинированную культуру плодов рабства – перестали быть суровыми хозяевами и жестокими воинами, которые заплатили цену крови за то, чем владеют. Человек не готов ставить жизнь на кон, убивать и умирать – за то, что досталось ему без всякого труда, автоматически, по наследству, в порядке вещей. Это все равно что умирать за то, что трава зеленая, а солнце греет. Природа – она природа и есть, к природе материального достатка и социального статуса это тоже относится.

Зверь живет в борьбе всю жизнь. Конкуренты его вида постоянно норовят отобрать у него участок охоты, пищу, самку, жизнь. Большинство гибнет в этой борьбе, выживают сильнейшие, кто победил, стоя насмерть за себя и свою жизнь, а свой участок и самка – это и есть жизнь и продолжение рода.

Культура делает человека мудрым и знающим, она же делает его тонко чувствующим и добрым – но она же делает его нерешительным, мягким и слабым. Изощренный ум, наполненный информацией на все случаи жизни, мгновенно находит сотни аргументов, чтобы не драться, не убивать врагов-захватчиков, не рисковать своей жизнью. И люди это всегда знали – попросту и без затей. – В мире и сытости по-

томки воинов делаются расслабленными, изнеженными, ленивыми и трусливыми, им дорог их покой и комфорт, и настоящим бойцам уже нетрудно перерезать им глотки и завладеть их добром и женщинами.

В чем дело еще? А в том, что человек, как любая природная система, запрограммирован на получение максимально желаемого результата с минимальными личными затратами энергии. Если можно не драться насмерть, не менять весь образ жизни, а мирно договориться, заключить сделку, заплатить, оказать услугу – обеспечить себе комфорт с минимальным риском и трудами, – то цивилизованный человек всегда предпочтет мирный и безопасный путь. Пусть унижение, материальные потери, снижение статуса – но как можно спокойнее и легче сохранить свое положение насколько возможно.

Доблестные воины и трудолюбивые хозяева сменяются изнеженными и боязливymi потребителями. С этого момента они обречены.

Хозяева перекладывают на рабов все больше обязанностей, рабы становятся администраторами, выкупаются из рабства, становятся банкирами и торговцами, подкупают чиновников, сосут все соки из проклятой метрополии, где их презирают как людей второго сорта – а хозяева делаются все никчемнее и слабее.

Держава расплзается на куски – каждый сильный и храбрый хочет отделить свое владение и править в нем самовластно.

но.

И тогда приходят варвары. Которых двести лет назад стерли бы в порошок, а они и дерзнуть не смели замахнуться на великую державу, только огрызались, когда их приводили к покорности коронные войска. Варвары грабят богатства и режут вырожденцев, как баранов, а те платят любой выкуп и молят о жизни.

Рабы освобождены и расходятся. Огромные латифундии, каменоломни и стройки, виллы и бани – пустеют: они приводились в жизнь и движение только рабами. Исчезают науки и ремесла, нет больше ни медицины, ни грамоты, ни наук и искусств, нет даже военного строя – толпа на толпу воюют вооруженные яростные варвары.

Свободы стало больше – рабства нет! Но производства стало меньше! А с ним исчезла культура и воцарились века дикости, немытости, неграмотности.

Но! Монастыри, трубадуры в замках, заморские мастера оружейного ремесла, книги иных стран в дальних походах – и через ТЫСЯЧУ лет цивилизация поднимается. В чем-то она не достигает античного уровня: нет отапливаемых под полом вилл, нет цемента, нет искусной выделки тканей и секретов развитой медицины. А в чем-то превосходит: живопись, философия, научные прорывы, огнестрельное оружие.

Так что при феодализме – свободы больше. И труд отдельного свободного крестьянина производительнее подневольного труда раба. Но дурная организация, скверные орудия и

личное потребление – ведут к скудости хозяйства и малости производимого продукта.

Первое: производство на душу населения – резко ниже по качеству и количеству. Какое изобилие?.. Немытого рыцаря в проношенных штанах с римским богачом не сравнишь.

Однако второе: характер социальных отношений между работниками и господами был таков, что у феодализма была огромная перспектива развития. Мощный системный ресурс. Научные знания и технологии нарабатывались и копились, производство росло – и когда каравеллы с пушками в бортах пошли через океаны, когда мануфактуры стали производить километры качественного сукна и полотна, когда мушкет стал великим уравниателем сил между могучим рыцарем и хилым простолюдином – тогда преимущества феодализма стали явными.

Предположим, мы сейчас не будем касаться вопроса крепостных и рабства при феодализме. Предположим, мы упрощаем модель до принципиальной: тебя уже никто не может продать и купить, распять на кресте по своему произволу и отыметь во все места по своей прихоти. Даже у мужика, у простолюдина, уже есть какие-то гражданские права. Право на собственность. На долю произведенного продукта. На семью по своему усмотрению. На жизнь, в конце концов. И даже на свободный проезд по дороге: великий европейский закон: «Большая дорога принадлежит всем».

...Итак. Свободы для всех, в среднем, стало больше. Про-

изводства материального и информационного стало меньше. Но со временем производство достигло уровня, который рабовладение дать не могло. Вот.

4. Чем ближе к нашему времени – тем яснее и понятнее. Есть такая иллюзия.

«Век шествует путем своим железным». Это уже про капитализм.

Научно-технический прогресс обусловил промышленную революцию. Машинные производства обеспечили высокую производительность труда – и нуждались в работниках. Не рабов – значит наемных, платных. Возникли капиталисты – владельцы средств производства, заводов и фабрик. И возник пролетариат – бывшие крестьяне, которых или сгоняли с земли юридическими и экономическими способами, или делали их труд убыточным вследствие импорта дешевого продовольствия из-за рубежа.

Капиталист – свободен. Он не рыцарь, не вассал, сословных обязанностей ни перед кем у него нет. Хочет – продал свое производство, хочет – подарил, бросил, проиграл в карты. Хочет – руководит сам, хочет – нанял управляющего и уехал в Монте-Карло.

И пролетарий свободен. Хочешь – работай, ешь, не хочешь – не работай, не ешь. Хочешь – уйди в бродяги (если за это уже не вешают), хочешь – попробуй стать торговцем, хочешь – отправляйся за тридевять земель искать счастья. А то в армию запишись. Конечно, костлява рука голода. А вы

что хотели – чтоб вам дармовая жратва обеспечивала свободу капризов? Выбор у тебя богатый, ты не раб и не мужик на земле, привязанный долгом и оброком к сеньору.

Но, конечно, свобода капиталиста пошире свободы пролетария.

(Граждане. Здоровый, сильный, красивый и умный – куда свободнее слабого, противного и глупого. Диапазон возможностей у них разный – от природы, по жизни. Диапазон свободы вообще-то всегда индивидуален.)

А пролетарий выполняет свою норму дневной работы, иначе мало заработает или вообще выгонят. Но относительно свободен.

5. Следствий тут несколько.

Во-первых, общество стало еще сложнее, многоэтажнее, степени неравенства умножились. Крестьяне с землей и арендаторы с оброком. Свободные ремесленники. Городской пролетариат. И появились наемные работники, те же пролетарии, на обширных централизованных сельхозугодьях. А также: учителя, врачи, журналисты, университетская профессура, писатели и композиторы, художники и изобретатели. Государственные чиновники и производственные менеджеры. Капиталисты и министры, крупные землевладельцы и полицейские, армия и флот. Огромная многосложная пирамида, на вершине которой неограниченная наследственная власть – сменилась выборной, сменяемой и ограниченной.

Во-вторых: внимание! Земледелец пахал тяжелее охотника. Раб – тяжелее свободного работника, который не загонял себя вусмерть ради лишней прибыли. Свободный крестьянин феодализма – пахал тяжелее раба: тот по возможности отлынивает, а этот пашет от души на себя, но сначала-то надо сеньору отдать его долю, а уж потом семью кормить и одежду купить! Пролетарий горбатился тяжелее крестьянина: по десять, двенадцать, четырнадцать часов круглый год, в предельном темпе, а будешь медлить – выкинут за ворота, там очередь безработных, а тебе только с голоду дохнуть. Свобода, конечно, но жить охота.

В-третьих. В первобытнообщинном строе карьеру сделать было трудно. Вождь – самый здоровый и умный: почетно, но опасно. Затем появились шаманы – но шаман сам отберет мальчика из всех и будет его учить и воспитывать.

При рабовладении социальные лифты тоже вверх-вниз не сновали. Только принадлежа от рождения к сословию чиновников (писцов) или жрецов, можно было продвинуться в этой области. Или в армии. Но чаще – высокие должности наследовались.

Феодализм в принципе позволял пробиться в рыцари – на первых порах, пока иерархия не окостенела. Здоровый, храбрый, спас в бою знатного господина – он может тебя возвысить, даже представить королю. Но с формированием сословий – потолки между ними были непробиваемые.

Однако. Торговцы, менялы, ремесленники, ювелиры, вра-

чи и живописцы, архитекторы и изобретатели – имели шанс обратить на себя внимание, завоевать авторитет, сколотить капитал, приблизиться к сильным мира сего и даже обрести определенное влияние. А за ценную услугу, иногда же просто за очень большие деньги – король или герцог мог возвести богатого, талантливого и полезного простолюдина в дворянство.

А вот в 1789 году! В Зале для игры в мяч! Чем является Третье сословие? Ничем. Чем оно хочет стать? Всем! Где тут гильотина для королей?

Вот тогда – вот тогда! – капитализм вступил из ранней стадии в стадию капитализма очень даже развитого: и общество это правильно назвать Обществом Свободного Предпринимательства.

Юридически – полное равноправие. Сословных перегородок не существует. Сирота и племянник сапожника становится премьер-министром Великобритании. Вчерашний крестьянин приходит в город, начинает торговать дешевыми конфетами с лотка – и становится богатейшим фабрикантом. Нищий бродяга становится великим художником. Семья еврейских менял превращается не просто в богатейших банкиров Европы, но покупает себе дворянство. Сын приходского священника становится прославленным в веках адмиралом Королевского Флота. Ну и так далее.

Мир опоясывают железные дороги. Свечи сменяются газовыми рожками, а они – электричеством. Пароходы, воз-

душные шары, ванны и ватерклозет, отлаженная почта во все концы мира. Медицинское обслуживание доступно уже любому! – хотя до совершенства еще далеко. Но всеобщее образование вступило в свои права! Боже! Телеграф, телефон, автомобиль!

Но жизнь пролетариев хуже, чем древнеегипетских рабов: по крайней мере, те дышали свежим воздухом и могли не слишком надрываться, пока надсмотрщик далеко. Жалкие клетушки в кирпичных сотах, прокопченных фабричным дымом, изношенная засаленная одежда, скудная еда, вечный недосып и переутомление. Они низкорослы, хилы и бледны. Десятилетние дети – откатывают вагонетки в шахтах, изнемогают на фабриках, потому что заработка взрослых не хватает на еду. Доля бездомного бродяги видится пролетарию счастьем! Перечитайте Джека Лондона: «Люди бездны» и великий рассказ «Отступник».

6. И вот тогда, в середине XIX века, из чрева капитализма показал свою грезовскую головку нарождающийся социализм – и ощерил железные зубки. То есть исподволь он существовал давно. Но сейчас оформился как научная теория, как учение о будущем, которое неизбежно.

Чем все опыты по его построению кончились – мы уже знаем. А вот с чего они начинались? Чтобы понять – надо охватить весь процесс во времени и в деталях.

Долгий полет мечты

Когда людям жилось хорошо? Никогда. Первобытные люди гибли на охоте, мерли от голода, выбивались соседями, и проводили свой краткий век в скудости и постоянных опасностях. В рабовладельческом обществе рабы надрывались и страдали, а свободные люди воевали и от зависти травили более удачливых сограждан. Феодализм был дикостью – болезни, неграмотность, суеверия и скудость жизни даже у знатной элиты. Капитализм угнетал пролетариат, разорял крестьян и терзал души образованного сословия, а богачи боялись, что чернь отберет их богатства. Кому суп жидок, кому жемчуг мелок, кому веревка горло давит.

А когда люди мечтали жить хорошо? То есть в справедливости, общем изобилии, мире и любви? Вот всегда и мечтали.

Что из этого следует?

Что на самых ранних этапах развития цивилизации, о которых мы можем судить по дошедшим памятникам или записям этнографов, люди полагали, что раньше, в прошлом, было счастливое время изобилия и покоя.

1. Мифический Золотой Век у каждого народа назывался по-своему, но культурные отличия были не принципиальны. Или боги обеспечивали всех в изобилии добычей, климат был прекрасный, а врагов не было вообще. Или боги со-

здали людей титанами и снабдили всем необходимым. Или великий царь, первый из всех царей, создал совершенную державу, где подданные были сыты и счастливы. Или первые люди жили в Раю и блаженствовали в покое на полном обеспечении.

А потом или царь умер, или народ разгневал богов, или злой дух поссорил людей с верховным благодетелем – но только люди по собственной вине и несовершенству лишились милости Верховного Владыки (у которого без счета имен). И стали страдать, ссориться, творить зло и добывать хлеб свой в поте лица своего.

И чем дальше удалялись мы от благословенного Золотого Века – тем хуже были и люди, и жизнь, и порядки.

(Интересная мысль, господа: в этом миропредставлении заключены как социальный аспект Второго Начала Термодинамики, которая в теории была предкам неизвестна – так и основы Теории Креационизма. Божественного Творения: естественно, Бог создал Землю и людей совершенными, как совершенны все его творения, а дальше они стали портиться сами: творения отделились и отдалялись от Творца.)

То была печальная мысль: чем дальше – тем будет хуже. А если взглянуть с другой стороны – естественно: Идеал недостижим, но мы его себе представляем – откуда представляем? а он когда-то существовал...

2. Но человеку свойственно надеяться, и еще человеку свойственна наглость. И с древнейших времен наиболее про-

двинутые люди подошли к проблеме Золотого Века по-деловому и оптимистически, с активной жизненной позиции. Эти радетели и мыслители понимали, что корень зол таится в самом устройстве общества. А оно взаимосвязано с устройством души человека, в смысле с системой ценностей и смыслов личности, как сказали бы сегодня.

А значит. Устройство общества необходимо изменить. А человека перевоспитать. И тогда? И тогда будет хорошо. Справедливость, счастье и изобилие.

Идеи абсолютной свободы, равенства и безвластия проповедовал еще Диоген в Древней Греции. Пифагор полагал, что у друзей все должно быть общее: земля, хозяйство, жены, дети. Это Аристофану принадлежит впервые сформулированная мысль: «Все собственники – воры!»

А веком раньше в Китае смущал и просвещал умы Лао Цзы с его даосским учением: не делай ничего, ничем не управляй, не вмешивайся – и тогда все проявит свою благую внутреннюю сущность, и все будет хорошо: без власти, приказа и обязанности; свобода себе и другим как высшее благо и истина. Мо Цзы был конкретнее: необходима общность имущества, жен и детей.

(Вы чувствуете, что разность культур и рас, тысячи километров расстояния – не препятствие для принципиального направления мыслей?)

То есть. Мы имеем отрицание государства вообще – как необходимое условие счастливой и правильной жизни. Даль-

ше больше. Если Диогена и Лао Цзы часто записывают в предтечи анархизма, то:

3. Платон – родоначальник научного социализма. В своем самом знаменитом, наверное, диалоге «Государство» (360 г до н. э.) он подошел к вопросу с другой стороны. Вместо отмены государства ради анархической свободы он предложил детальную модель государства идеального.

Кастовая система: философы правят, воины защищают, крестьяне и ремесленники работают. Евгеника: лучшие женятся на лучших и продолжают род, а худшие на худших, и их потомства уничтожается. Больных не лечат: обреченный умереть умрет, способный жить выживет. Все имущество общее. Для детей есть социальные лифты по итогам экзаменов. Детей воинов воспитывает государство; воины едят вместе. Женщины могут выполнять мужские работы.

3-а. Справедливость Платон понимает как порядок в обществе, при котором каждый приносит максимум пользы всем, делая то, к чему наиболее способен, и получает столько же благ, как прочие в его страте. В результате каждый человек и все общество в целом живет максимально комфортно, обеспеченно и безопасно. (Этому понятию справедливости в начале уже XIX века будет соответствовать этика Джереми Бентама: справедливо то, что приносит максимум счастья и минимум горя максимальному количеству людей.)

4. Через две тысячи лет появится «Утопия» Томаса Мора (1516 г). Главное: частная собственность есть источник зла

и должна быть упразднена; распределение благ производится по потребностям; демократическое выборное правление; трудятся все, причем род деятельности можно время от времени менять. Гуманизм, миролюбие, справедливость. При этом все носят одинаковую одежду, а для поездки за пределы города берут выездную визу, в смысле разрешение от начальства. Вполне социалистическая модель!

5. Век спустя был опубликован «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы (1623 г). Частная собственность упразднена. Семья упразднена. Поэтому нет преступлений – краж, грабежей и изнасилований. Все трудятся, но не более 4-х часов в день, остальное время – для гармоничного развития. Государство регулирует деторождение и воспитывает детей, забирая от родителей. Так воспитывается новый человек – человек совершенного и гуманного общества! Женщины не только трудятся наравне с мужчинами, но и изучают военное дело; эмансипация и равенство. Смертная казнь – только для злостных нарушителей! Правит каста мудрых жрецов, а на исполнительном уровне – лучшие из специалистов по профессиям. Демократия – только в форме общих собраний без права решать государственные вопросы. Разумеется, все счастливы. Считать эту модель коммунистической или социалистической – вопрос терминологических нюансов.

Искра не гасла, и пламя свободы и справедливости регулярно возгоралось!

6. В 1649 г Джерард Уинстенли опубликовал «Новый за-

кон справедливости», а в 1652 – «Закон свободы». Бесклассовое общество. Частной собственности нет, денег нет, купли-продажи нет, работы по найму нет. Монарха устранить, лордов устранить, земля общая, вместе работать и вместе есть. Тюрем и казней нет, власти нет, каждый живет по собственному разумению. Именно Уинстенли впервые создал коммуну земледельцев, хотя этот первый в истории коммунистический эксперимент просуществовал лишь год. Пожалуй, правильнее всего назвать его учение анархокоммунизмом.

7. А еще через сто лет (милые были у них интервалы) великий Жан-Жак Руссо пишет свой эпохальный «Общественный договор», а также «Рассуждение о происхождении неравенства между людьми». Первое главное: источником власти и права и сувереном в государстве является народ. Нация как субъект государственности и права. Монархи, дворянство, элита – это узурпаторы власти. Второе главное вытекает из первого: все принципиальные вопросы решает сообща народ. Третье главное: частная собственность и вообще цивилизация есть моральное зло и портит человека, от природы добродетельного «благородного дикаря». Четвертое главное: чтобы сдерживать пороки цивилизованного человека и развивать его добродетели, необходимо правильное воспитание – только это может и должно изменить мир к лучшему. Через 15 лет после смерти Руссо во Франции разразится кровавый революционный террор – «именем народа».

8. И в том же 1793 знаменательном году Уильям Годвин, отец будущей прославленной создательницы «Франкенштейна» Мэри Шелли, представил миру трактат «Исследование о политической справедливости». Государство действует в интересах 2 % богатых, 98 % бедных обделены и угнетены, счастья и справедливости нет, и устроено все нерационально. Частную собственность отменить, государство упразднить, жить свободно без гнета властей, в дружбе, сотрудничестве и самодеятельных договоренностях. Анархисты считают Годвина своим родоначальником, но не все коммунисты с ними согласны.

9. А вот идеи Пьера Прудона, выпустившего в 1840 г оглушительную брошюру «Что есть собственность» и более всего известного радикальной формулой «Собственность есть кража», в конце XX века обрели новую силу и новое дыхание. Когда западные левые, от президента США Обамы до лидера британских лейбористов Корбина учат, что «если вы создали бизнес – это не ваша заслуга – это заслуга всего общества, которое создало все знания и товары, которыми вы пользовались, так что вы обязаны обществу, и ваш бизнес так же принадлежит любому члену общества, как и вам, по сути вещей» – это, между прочим, чистенький анархизм Прудона. Хотя наши левые современники считают себя социалистами.

10. ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ АНАРХИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ? Ибо в борьбе за свержение капиталистического строя и буржуазной морали они смыкаются так дру-

жественно и тесно, что аж боками трутся.

Анархизм и коммунизм – в дальней перспективе одно и то же. Государства нет, частной собственности нет, власти нет. Все делается свободно и добровольно, сообща. Отличия носят частный и технический характер; спорят о деталях и подробностях. Вообще подвидов и разновидностей анархизма и коммунизма много, но нам важно проследить главный принцип. В теоретиках и практиках этих учений все равно согласия нет.

(Главный их спор: анархисты считают, что можно отменить государство, власть и собственность сразу, сейчас, без волокиты – а коммунисты утверждают, что сначала необходимо пройти через стадию социалистического государства: задавить буржуев, воспитать по-коммунистически народ и создать материальную базу коммунизма – ну, чтоб сразу добра было уже более или менее достаточно. Анархисты доказывают: только в процессе безвластного общежития, в атмосфере свободы и равенства, доверия друг к другу – новый человек и может появиться! На берегу плавать не учатся! Нелегко искать самую короткую дорогу к счастью, ребята...)

Социализм же – все-таки предполагает государство – как институт планирования, контроля и распределения. Все народное, общественное, от имени народа чиновники и функционеры управляют. Все, кто может, работают, все получают от государства содержание, блага и должности предоставляются с учетом расовых и национальных квот и привилегий «об-

деленным исторически». Сегодня – вот такова господствующая модель. Которая по мере развития общества и личностей должна видоизмениться в коммунизм.

11. А в XIX веке начался современный социализм как вполне научная теория, учение и идеология (отметьте разницу этих понятий). Ну и примыкающий к нему и вытекающий из него коммунизм, объявивший себя также вполне научным.

Тут мы погружаемся в море имен, направлений и споров, изученных специалистами вдоль и поперек и до сих пор не утихающих. Поэтому – только о главном. А главный здесь Карл наш Маркс.

При материальной и информационной поддержке Энгельса он установил, что: а) капиталист грабит рабочих; б) труд рабочих – источник всех благ, товаров и услуг; в) рабочие и без капиталиста отлично проживут, если заберут его производство себе; г) и тогда настанет равенство, справедливость, счастье и изобилие; д) а работать все будут лучше и производительнее, потому что на себя и потому что каждый по уму и в охотку, найдя себе свободно любимое дело. Н-но – сначала капиталисты будут сопротивляться отбиранию их производств, и их придется сломить. А главный класс, революционный – это пролетариат.

Строго говоря, нового Маркс выдумал и изобрел только одно. А именно: промышленная революция к тому времени создала целый класс наемных работников, которые могли

предоставить рынку только один товар – себя самих как рабочую силу. На сцену истории вышел пролетариат. И он был объединен на огромных фабриках и заводах. То есть: трудовые коллективы квалифицированных и равных работников, не имеющих никакой собственности, уже есть! И осталось только отобрать заводы и фабрики, а также дворцы и все личные ценности – у капиталистов, которые ограбили пролетариев и присвоили себе продукты их труда, – и сделать общенародной собственностью пролетариев! Им даже с места сдвинуться не придется – и производство готово, и трудовой коллектив на нем готов. И социализм в масштабах отдельного государства, а там и всего мира, – готов!

Социалистическая революция как последний этап социальной и научно-технической эволюции, которая к этому последнему этапу уже подошла вплотную!

Знаменитый, чудовищно громоздкий и перегруженный бессмысленными невнятными подробностями «Капитал», объявленный чудом экономической мысли, оказался нужен только для одного: придать извечной мечте «все отобрать и поделить поровну» видимость глубокой научности.

...То было время сенсационного появления и оглушительной славы теории эволюции. Маркс попал в мейнстрим необыкновенно точно. Социальная эволюция как наука и часть общей эволюции. А революция – это частность, способ, инструмент. Успех последовал, как ударная волна из эпицентра взрыва.

...Дальнейшая «история теории» социализма нам сейчас уже не так интересна. Она разветвилась, как грибница. И неожиданной формы грибы полезли в неожиданных местах. Об этой флоре и фауне – чуть позже.

Воскрешения упрямого феникса

Главное в профессии мечтателя – остаться в живых, когда его мечта сбудется. Это мало кому удалось.

1. Первобытная община, которую иногда считают исходной коммунистической ячейкой общества, была по сути общиной семейной, родовой. И исчезла по мере развития цивилизации с переходом человечества к оседлому образу жизни и земледелию.

2. Иногда древнейшие государства Месопотамии и Египта рассматривают как «отчасти социалистические». Все имели равные наделы, земля была общая, работники на государственных стройках получали равное обеспечение и питание и т. д. Врать нехорошо. Земля принадлежала храмам и царям (или фараонам). Верховная власть могла дать надел, отобрать надел, увеличить или снизить налог, передать другому лицу землю вместе с людьми. Скорее это было равенство царских или храмовых крепостных. Все централизовано и регламентировано – но это еще не социализм, панимаш. В концлагере тоже равенство и отсутствие частной собственности. Хотя малый шанс попасть в социальный лифт был. (О рабах мы сейчас не говорим.)

3. Элементы общинного коммунизма то и дело проявлялись позднее, когда тоталитарная централизация ослабла и несколько либерализировалась. Такие общины всегда носили

характер религиозной секты или воинского братства. Ессеи в Израиле. Первые христианские общины. Ряд монашеских орденов – как католических в Европе, так и суфийских на Востоке. Военный коммунизм в древних походах «осложнялся» правом на трофеи в личной собственности. Все это были более или менее замкнутые мужские коллективы, ведущие единообразную жизнь. Их объединяла или религия, или война, на что и был ориентирован весь быт. Полноценного самообеспечения и полноценного воспроизводства они дать не могли. Прекращали свое существование по мере выполнения военной задачи или в результате социальной эмиссии (надоело, кто умер, кто ушел). Существовать долго могли только за счет подпитки от государственного общества: монастырская десятина и т. п.

3. Платон вынашивал идеи своего «Государства» всю жизнь, и всю жизнь мечтал воздействовать на граждан так, чтобы осознав и обретя добродетель они и были способны идеальное государство создать и процветать в нем.

Он прибыл на Сицилию и приступил к беседам со знаменитым тираном Дионисием, прошедшим, как говорится, жестокую жизненную школу. Был шанс повлиять на создание справедливого и счастливого государства на Сицилии. Но взаимопонимания не случилось. Вместо комплиментов своей храбрости и справедливости Дионисий слышал много неприятного о себе. Что законы несовершенны, он никому не доверяет, страх вызывает даже бритва брадобрея, а са-

мый счастливый человек не он, а нищий и умерщвленный по приговору суда Сократ.

Менее всего тираны расположены слушать правду о себе. Платона было приказано убить, но в результате большого везения его всего лишь продали в рабство. Боги определенно покровительствовали великому философу, потому что из рабства он был мгновенно выкуплен – то ли друзьями, то ли богатым поклонником.

Первая известная нам попытка создать идеальное государство сошла с рук его создателю в общем безболезненно. Так повезло отнюдь не всем.

4. В конце V века великое государство Сасанидов, простиравшееся от Индии до Египта и от Кавказа до Аравии, потрясли небывалые события. Зороастрийский жрец Маздак организовал и возглавил такое демократическое движение крестьян, ремесленников, торговцев, городской бедноты и мелкой знати, что сам шахиншах Кавад I приблизил его к себе и сделал верховным жрецом империи. Шахиншах имел в виду использовать харизматичного и влиятельного духовного лидера и через него народные массы – в борьбе против крупной знати, угрожавшей полноте царской власти.

Но выпущенный на волю джинн народовластия послал хозяина подальше. Маздак провел реформу зороастризма, напомнив о губительности богатства. Убедил шахиншаха отворить амбары и раздать хлеб народу. Назначил на ключевые посты своих сторонников. Организовал экспроприацию

и обобществление крупных владений, а затем и раздачу имущества всем поровну. Упразднил гаремы, а женщин раздал неимущим холостым мужчинам. Затем институт брака был вовсе отменен, а женщины поступили в общественное (мужское) пользование на началах справедливого и равного распределения.

К 500-му году нашей эры на территории нынешних Ирана, Ирака, Армении с Грузией и частично Пакистана с Афганистаном – установился социализм! Реформами Маздака были довольны не все. С ними поступали как положено: объявляли сторонниками зла и репрессировали. Терроризм насаждаемого добра далеко превзошел бывшие страдания от побежденного зла.

Сорок лет социалистических пертурбаций завершились восстановлением статус-кво. Диктатура социалистов-маздакитов крепко испугала остатки высшей знати и не вызвала восторга армии. Элита объединилась с силовиками. Маздака с группой актива пригласили к царскому дворцу под предлогом религиозного диспута. Арестовали и закопали в землю вверх ногами. В знак того, что они хотели поменять в мире верх и низ местами – пусть это и получают.

5. Катары, последователи одной из ересей христианства на юге Германии и Франции в XII–XIII веках, обычно придерживались общности имущества.

Табориты, боевое крыло чешских антикатолических реформаторов XV века, в своих организациях часто объединя-

ли общие средства и распределяли поровну. А также нередко склонялись к общности жен и детей; что не у всех встречало понимание.

Аналогичные воззрения преобладали у анабаптистов XVI века в Центральной Европе.

Все эти ереси, выступавшие с активными и практически-ми протестами, требовали и намеревались изменить существующий порядок. А именно: свергнуть власть королей и епископов, отменить частную собственность и семью – и установить всеобщее равенство: на труд, на имущество, на женщин и детей.

6. Но сакраментальный лозунг «отнять и поделить» своего воплощения в чистой, так сказать, форме достигает у людей вольных, по собственному желанию объединившихся в общины равных – и противопоставив себя государству, закону и морали.

Разбойники. Пираты. Казаки.

Вольное мужское сообщество равноправных партнеров без власти над собой. Прекрасная модель социализма, а лучше – анархокоммунизма. Сами решаем, сами грабим, сами делим, сами проживаем. Недаром во времена всех бунтов, восстаний и революций – разбойнички всех мастей оказывались на передовой линии свержения и разграбления господствующего класса. Разбойник революционеру – первейший друг, товарищ и брат. (Ну, а после удаchi революции – тут кто кого сумеет прирезать первый. Интересы расходятся, да

и властью делиться нельзя.)

Но. После выявления ясного родства между социализмом и религиозной сектой. Полезно понять родственность социалистической организации и разбойничьей банды.

Чем полезно рассмотрение банды? Обнажением социальной конструкции и идеологической подоплеки. Равноправие, общность имущества, честное равное распределение, отсутствие властного принуждения и подчинения, личная инициатива каждого, оптимальное применение своим способностям, коллегиальное принятие решений – еще не гарантия от перерезания глоток, изнасилований и грабежа тех, кому не посчастливилось вступить в эту банду. Не дай бог попасться таким «социалистам» на большой дороге.

...И вдруг лезут детали: небритые разбойники в лесу одеты в пестрое тряпье и с кривыми кинжалами, заткнутыми за кушаки; пираты в черном, на головах цветные косынки, трясут кортиками и пистолетами на фоне паруса и морской волны; а казаки носят штаны с широким красным лампасом, буйный чуб вьется из-под фуражки, тонконогий конь играет, а мелькающая узкая шашка в руке так и горит серебром. Вообще книжки должны быть с картинками. Чтоб у читателя мозг не пересыхал, а глаз радовался.

7. Новое время развеяло идеалистический дурман продавцов опиума для народа... я не слишком витиевато выражаюсь?... то есть самые практичные из людей нового времени, английские капиталисты, поставили дело социализма на

конкретную основу. Дело было так:

На рубеже XIX века тридцатилетний Роберт Оуэн женился на богатой невесте, дочери владельца текстильной фабрики под Глазго, и стал данной фабрики управляющим и совладельцем. Обуреваемый идеями и планами, он приступил к реформе производства, дабы упомянутое производство оптимизировать, усовершенствовать и поднять.

Оуэн сократил рабочий день с 14–16 часов до 10 часов 45 минут. Воспретил детский труд, а для детей устроил школу. Прикупил жилья для рабочих и обставлял его порой на собственные деньги. Постоянно совершенствовал процесс производства так, чтобы никто не надрывался, но каждый работал по силам без расслабления, и рабочие места были удобны.

Результат поразил всех. Выработка подпрыгнула. Прибыль владельцев резко увеличилась. А рабочие стали гораздо меньше уставать – но гораздо больше получать. За опытом повалили интересующиеся, вплоть до императора России Николая I.

Далее Оуэн пришел к идее главенства воспитания и образования работников, к идее преимуществ кооперативов без капиталистов-нанимателей, ну и – к отрицанию капитализма и необходимости заменить его гуманным и высокопроизводительным социализмом. Господствующий класс капиталистов его не приветствовал.

Воспитание может все, труд – это благо, совместный сво-

бодный труд дает счастье и любовь к ближнему. И это необходимо внедрить! И долой все религии, тот самый опиум для народа.

Роберт Оуэн, вся судьба которого есть материал для великого социально-психологического романа, фантастически сочетал в своих устремлениях безграничный полет мечты, рациональное теоретическое обоснование и детальный практицизм. В число его пайщиков вошел великий философ Джереми Бентам, в комитет по материальному обеспечению проекта – великий экономист Давид Рикардо!

И в 1825 году Роберт Оуэн затевает грандиознейшее предприятие по практическому воплощению социализма, переходящего в коммунизм, в жизнь! В Америке, штат Индиана, он покупает участок в 80 квадратных километров (!) с жилыми и хозяйственными фермерскими постройками за 150 000 тогдашних долларов! (Прежние хозяева, германские иммигранты, съехали в Пенсильванию.) Завозит туда около 800 добровольцев. И они начинают сообща трудиться на земле и хозяйствовать. Каждый готов на любую работу, постоянный обмен родом деятельности, чтоб никому не было обидно и все трудились поровну. Работники должны заниматься самообразованием и сочетать физический труд с умственным. Коммуна называлась «Новая Гармония».

Через год, получив на первоначальном энтузиазме хорошие результаты, Оуэн перевел свою колонию на коммунистические рельсы. Специализация труда отменяется: все де-

лают то, что сегодня нужно для общей пользы. Вся хозяйственная собственность – общая, люди владеют только личной мелочевкой. Утреннее распределение на работу, общие трапезы. А также пытаются обобществить семейные отношения в одну большую, общую, братскую семью. Ну разве не мечта? разве не прелесть?

Еще через год самые умные и образованные выходят из «Н. Гармонии» и образуют собственную общину. Этот кооператив интеллектуалов протянет лет двадцать!..

А оставшееся большинство вспыхнет недоверием и ревностью к трудящимся собратьям, все начнут выяснять отношения, обвинять друг друга в несправедливом распределении работ и нерадивом их исполнении, и разругаются вдрызг.

...Через четыре года прекрасная «Гармония» развалилась. Оуэн потерял почти все свое состояние, вернулся в Англию и скромно доживал свой век. Все дело в том, что воспитанные проклятым капитализмом люди не успели проникнуться коммунистическим самосознанием и психологией трудового братства, полагал он. Надо было воспитать заранее. А где воспитать, если кругом был капитализм?..

8. Необходимо добавить, что:

К тому времени Анри Сен-Симон уже умер, и его идея экономической эволюции была широко известна: сначала рабовладение, затем крепостничество, за ним свободное наемничество. Следующей и последней стадией должна стать

«общественная работа», то есть социализм. Социализм гуманнее, выгоднее и прогрессивнее: он неизбежен.

Но вполне жив был Огюст Конт, его ученик, как раз приступивший к издания своего шеститомного «Курса позитивной философии». По Конту, социология – «социальная физика» – устанавливает законы общественного развития. «Социальная динамика» базируется на представлении о прогрессе умственного развития человечества. Существуют законы развития общества и прогрессивной смены его эволюционных стадий. Человек рассматривается в контексте всей истории Человечества и вообще всей истории Земли.

Короче. Согласно современной науке, приход коммунизма объективен и неизбежен! Хотя не все ученые считали так.

9. Мы опять забыли о деталях... Фаланстер я себе представлял в школе так:

Очень длинный и в меру широкий одноэтажный низкий дом. Стены и двускатная почти плоская крыша из аккуратно пригнанных узких досок, коричневато-серых от времени и непогод. Частый ряд окон и через равные промежутки пять-шесть дверей на обе стороны. Время от времени из них выходят или входят внутрь маленькие человечки в коричневых сюртуках и высоких черных шляпах типа мятых цилиндров. На плечо вскинута лопаты. А кругом – пустота вроде прерии или большого поля, окруженного степью.

А внутри там у них типа семейного общежития с большой

кухней. Дружно, трудолюбиво и скучновато.

Итак, позвольте представить вашему вниманию гениального французского ровесника Оуэна – Франсуа Мари Шарля Фурье. То вообще был великий век гениев! К теориям двух вышеупомянутых Фурье присоединил Абсолютный Дух Гегеля и Мировую Волю Шопенгауэра. И получилась чудесная теория об единстве изначального движения всего сущего:

- движение материи, законы которого открыты Ньютоном;
- движение мельчайших частиц природы, атомов;
- движение органическое образует формы, цвет и детали организмов;
- движение страстей и инстинктов;
- движение осевое социальное, действующее в общественных организмах (скажем – в социальных системах).

Вот такая базовая основа всех форм и видов природы.

Человек движим страстями, и задача общества – их правильно распознать, учесть и направить к общему благу. Людское сообщество надо правильно подбирать, сочетать и при- ставлять к тому делу, которому предрасположен каждый. М- да. Трудность в том, что кропотливый Фурье классифициро- вал 810 (восемьсот десять) типов характеров в зависимости от инстинктов и влечений в разных комбинациях. Для них нелегко найти 810 разных занятий.

Поэтому? Надо соединять людей в фаланги тысячи по полторы-две каждая. Дети, старики, женщины – и 810 работ-

ников на все руки и мозги. Живут вместе в роскошном здании, библиотека, фонтан, сад. Кругом – поля и мастерские для работы. Все рады! Любят друг друга, выбирают себе любимую работу и производительно трудятся. (Фурье жил бедно, никогда не улыбался, поливал свои цветы в горшочках и кормил уличных кошек...)

Друзья и меценаты купили 5 кв. км земли недалеко от Парижа и приступили к постройке общего дворца, жилища и хозяйственных служб. Деньги кончились, проект рухнул; Фурье сильно переживал.

Но идея фаланстера влекли энтузиастов; уже после смерти Фурье раз сорок затевали их устройство, и во Франции и в Америке; и все равно – начинали ругаться и разбегались года через два-три! Хотя несколько продержались лет до двенадцати даже. Дружеская кооперация, сытость, свободный секс в общем сожительстве, кстати, приветствовался! И все равно недовольны и бегут... Хамье народ.

Как социалиста не корми, а он все равно на свободу хочет. Ну, когда социализма отпробует.

Горе в том, что нет у Господа для философов-социалистов подходящего народа! Вот с какой-то социальной червоточинкой этот хомо сапиенс. И гадит своим несовершенством прекрасную идею.

...В 1847 году в далекой России прекрасный свободолюбец Петрашевский выстроил своим мужикам фаланстер. Они его сожгли сразу.

10. О, сколько нам открытий чудных, и опыт, сын ошибок трудных... дальше незачем цитировать. Что там осталось из преамбул и проб? О:

Парижская Коммуна. О боже. Войну Пруссии, конечно, проиграли. Но Париж уже перестроен Османом. Проложены Большие Бульвары. Синеватый булыжник мостовых, ажурные решетки балконов, и сплошь французские лица.

То была первая попытка установления демократии с элементами социализма в масштабах огромного города. А в программной перспективе – по всей Франции. Неоякобинцы, социалисты, анархисты. Представители интеллигенции, торговли и скорее ремесленников, чем пролетариата – парикмахеры, булочники, ювелиры и прочая. То есть: буржуазно-демократическая революция с опорой на вооруженную силу Национальной гвардии.

Планировали: кооперации, самоуправление, бесплатное образование, выборность и отчетность перед народом.

Коммунары объявили себя властью и призвали Францию следовать за собой. Правительство, севшее в Версале, было против. Армия осталась ему верна. В начавшемся конфликте коммунары брали в заложники представителей «враждебных сословий» и расстреливали «три за одного», если захватывали и казнили революционеров, ну или подозревали злой умысел врагов.

Ну, потом стала кончаться еда и боеприпасы... Враги победили.

...Строго говоря, ни попыткой социализма, ни тем более примером диктатуры пролетариата это не было. Хотя уже появившиеся марксисты страшно хотели объявить Парижскую коммуну «первым в мире выступлением социалистической революции».

...Через тридцать лет начнется эпоха настоящих социалистических революций. Анархисты и социалисты всех видов и мастей возьмут в руки оружие и полезут на баррикады. Учение Маркса победит!

И вспомнят сказанные о нем слова великого Бисмарка: «С этим бухгалтером Европа еще наплачется».

Маркс

Не станем касаться аргумента *ad hominem*, злословя над тем обстоятельством, что Маркс не умел даже прокормить семью, жил на средства друга-капиталиста Энгельса, эксплуатировавшего своих рабочих, но и присылаемые деньги непрактичный Маркс пускал неизвестно на что, вечно сидя в бедности и долгах. И вот с этими экономическими способностями он взялся за создание мировой экономической теории.

Не будем в стомиллионный раз повторять всем известное: что все опыты построения социалистического общества по Марксу проваливались неукоснительно и с треском. И если принимать во внимание тезис-слоган марксизма «Практика – критерий истины», то марксизм сам себя отрицает. Парадокс издевательский и жестокий.

Оставим в покое тот принципиальный приговор, который марксизм вынес себе справедливым замечанием: «Новая общественно-экономическая формация является более прогрессивной по сравнению со старой, если дает более высокую производительность труда». Чего не дал социализм, того и не дал. Бывает. Жизнь вообще полна разочарований.

И не будем глумиться над прекрасными силлогизмами типа «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Ну, насколько верно, настолько и всесильно. Проигравшая соба-

чьи бега гончая разводит лапами и говорит хозяину: «Ну не могу я быстрее!...»

Пролетариев сегодня не трогаем! Маркс, такое впечатление, полагал, что социальный статус становится биологическим подвидом, генетической национальной особенностью, ну чем-то в таком роде. От него уже не избавишься, к этой касте ты принадлежишь навсегда. А если ты стал певцом? Офицером? Торговцем? А инженером, начальником цеха, директором? Вот перестреляли всех, кроме пролетариев, и воспитали из пролетариев своих генералов, ученых и администраторов. Они еще пролетарии – или уже нет? Ах, происхождения пролетарского? Когда Адам пахал, а Ева пряла – кто был первым джентльменом? Все мы из самых пролетарских корней – из нищих обезьян без всякой собственности!.. бабушку твою на пальме...

...Вы знаете, от пророка не требуется ни ума большого, ни безупречной логики. От пророка требуется – кинуть в массы идею, которой массы жаждут. А для того идею надо попроще сформулировать и похлеще выразить. А уж аргументов массы себе сами изыщут и наформулируют – подходящих по уровню ума и желаемой направленности. Чего человек хочет – то будет утверждать со всей страстью, притягивая доказательства за уши и любые органы, и никакая логика ему не указ. Желание делает ложь правдой – была бы страсть погорячее.

А когда ложь перестала сходиться за правду, новые ле-

вые придумали моральный и информационный релятивизм, относительность истины и равноправие нарративов вместо объективного рассказа.

...Но мы берем сегодня только один тезис. Главный, основополагающий, стержневой в учении Маркса: ось его мировоззрения. Что есть История?

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

В первобытнообщинном обществе разделения на классы не было. Но этот период часто считают «доисторическим». Почему «до-»? Потому что письменности не было, судить о происходившем очень трудно; да и какая, собственно, разница. Условились. Примитивное было общество.

Историю в гуманитарном, цивилизационном, социальном смысле мы отсчитываем от начала государств. Во-первых, возникают усовершенствованные орудия и приемы труда. Во-вторых, вследствие этого вырастает производительность труда и возможность отчуждения прибавочного продукта при сохранении жизни работника. В-третьих, вследствие первого и второго усложняется иерархия общества и появляются классы эксплуатируемых и эксплуататоров, рабов и рабовладельцев то есть. В-четвертых, прибавочный продукт идет не только на роскошь для правящего класса, но также на возникновение и развитие науки и техники, не говоря о ремеслах и тем более воинском искусстве. В-пятых – города и грандиозные постройки, частично сохранившиеся до на-

шего времени и возведенные теми, кто ел выращенный рабами хлеб: есть что изучать и о чем судить! Ну и в-шестых – письменность: о, что-то можно расшифровать, прочесть и узнать.

Но суть истории этого периода по Марксу – борьба рабов с рабовладельцами. Рабы хотят свободы себе и смерти рабовладельцам, а их добро поделить: чего ж еще? Или улучшить свою долю хоть насколько возможно. Рабовладельцы хотят, чтоб в идеале рабы много работали и мало ели, увеличивая прибыль хозяев. Так и жили.

Потом придумали и наделали новые орудия труда, более производительные. И это изменило производственные отношения. Рабовладельческий строй устарел и рухнул. Освободил место следующему, более прогрессивному.

И возник феодализм. Крепостные и феодалы вели классовую борьбу друг с другом. Тысячу лет и больше. Пока не изобрели машины и устройства, резко повысившие производительность труда. Появилась буржуазия – и рухнул феодализм, который как система отношений ее сковывал.

Тогда установил свое господство капитализм. И капиталисты стали бороться с пролетариатом. Они платили нищим и беззащитным рабочим так мало, чтоб рабсила только не умерла и могла работать дальше. А рабочие, пролетарии всех стран, боролись за свои права: получать больше и работать меньше. Плюс участвовать в управлении государством – которое им враждебно, ибо создано капиталистами для защи-

ты их интересов.

И вот когда бедные и бесправные трудяги-пролетарии свергнут дармоедов-эксплуататоров капиталистов со всеми своими буржуазными прихвостнями, они сами станут сообщая владеть капиталом, то есть собственностью на средства производства. И наступит коммунизм – высшая стадия развития, венец социальной истории.

...Простите, что пересказал кратко первую часть знаменитейшего из сочинений XIX века – «Коммунистического манифеста». Но люди ведь с возрастом не всегда умнеют, забывчивость обычна, а сегодня «Манифест» читали далеко не все.

Мужчина, вы с чем конкретно не согласны? – как спросил, икнув, один похмельный вице-премьер перечислявшего недостатки министра...

Что делали с побежденным врагом до начала Истории? Убивали и ели. Во-первых, врагу жить незачем, он завтра тебя убьет, не отпускать же. Во-вторых, белковая пища ценна и не так часта.

Если бы пленному предложили на выбор – рабство или смерть? – что бы он выбрал, как вы думаете?

Так что во-первых рабство гуманно. Во-вторых рабство разумно – не тратить же на него свой хлеб? – пусть работает и приносит пользу. В-третьих, рабство полезно и прогрессивно: раб создает прибавочный продукт. Мало ест, много работает. Раб есть необходимый и важнейший элемент госу-

дарства: его трудом не только выращивается хлеб, который станут есть ученые и художники, создавая великую культуру. И не только армия, охраняющая (и расширяющая) государство. Его трудом роятся каналы и прокладываются дороги, строятся дворцы и храмы, стены и виадуки.

А теперь представим, что древнеегипетские рабы победили: перерезали всех рабовладельцев от надсмотрщика до фараона, поделили все добро и зажили вольной жизнью. Где пирамиды? Где храмы? Где древняя астрономия и геометрия? На хрен надо. На свое пропитание поработал – и в тень пальмы: есть ячменную лепешку и пить ячменное пиво.

Жестокая рабовладельческая система забирала себе энергию рабов и направляла ее на создание и рост цивилизации. А раб? – получал жизнь и кусок хлеба. Жестоко. Несправедливо. Но иного пути развития у человечества не было.

Раб и рабовладелец – это единство и борьба противоположностей, составляющие суть и основу движения и развития цивилизации. Имманентное внутреннее противоречие системы. Диалектика. Элементарная причем. Да?

С тем же успехом можно сказать, что раб и рабовладелец сотрудничают на условиях, диктуемых уровнем социально-экономического развития эпохи. Что только наличие обоих элементов сделало возможным наше существование сегодня.

А альтернатива? Вечная первобытная община? Человек иначе устроен, избыток его внутренней энергии и есть при-

чина усложнения и усиления общества.

Самоусложнение однородной социальной массы до социальной системы с увеличением разности потенциалов противоположных элементов – дало синергетический эффект. Рабовладельческая система в большой группе – сильнее и потентнее однородной группы той же численности. Так сведенные в фалангу восемь тысяч гоплитов сильнее восьмидесятитысячной толпы разрозненных бойцов – слаженная боевая система раздавит аморфную массу.

Система всегда сильнее суммы сил составляющих ее элементов по отдельности. И имеет новое качество, которого не имели элементы по отдельности. Людей, разделившихся на рабов и рабовладельцев, это тоже касается.

А борьба и сотрудничество – это две стороны одной медали, двуединство, имманентное противоречие системы. (Повторение способствует пониманию даже простых вещей.)

Противоречие – неотъемлемо от сущности любого предмета и процесса. Человек хочет жить – но отдает жизнь ради спасения семьи. Хочет спать – но сидит ночь над счетами, спасая свою маленькую фирму. Хочет отдохнуть – но работает, иначе не проживешь. Желудок хочет наполниться пищей – а печень хочет жить спокойно – а мозг хочет думать о вечном – а гениталии хотят секса – но они могут только сосуществовать вместе. Жажда славы и наживы гонит Френсиса Дрейка вокруг света, пока не умрет. И так далее.

А теперь – Гибель Империи! Рекомендую цикл картин То-

маса Коула. Рабовладельческий строй перестал соответствовать появившимся орудиям труда и технологиям, производственные отношения перестали соответствовать производительным силам, и в результате один антагонистический класс победил другой и произошла революционная смена формации; или же оба класса уничтожили друг друга и погибли вместе со страной (так согласно классику).

Мы мало знаем о гибели Шумера и Египетских Царств, о кикладиках и Минойской цивилизации. Но покорение Александром Македонским Великой Персии и ее последующее разрушение историки представляют себе уже неплохо. И описан-переописан Древний Рим: африканские провинции и крупные землевладельцы завалили Рим хлебом и превратили свободных крестьян, основу старого Рима, в люмпенов, нахлебников и паразитов. Рабство обогатило богачей и разорило и уничтожило простых свободных граждан. А далее: государственное иждивенчество плебса, падение рождаемости, всеобщий пофигизм и развращенность, этническая замена латинян варварами, и Западная Римская империя рухнула – не как в школьном учебнике, но раскрошившись и обветшав, обваливалась внутрь себя двести лет, пока не распалась. Рабы не побеждали хозяев, но создали огромное богатство. И это богатство сделало ненужными доблести и завоевания, все выродилось в карьеры ради денег и почестей: римляне рвали в клочья собственную империю. Несколько варварских нашествий лишь немного ускорило падение.

Рим как политическая и социально-экономическая система выработал своей ресурс. Больше было нечего хотеть, нечего благоустраивать, нечего завоевывать: повелители мира. Жил тысячу лет – и перспектива кончилась.

А система существует только в динамике. Государство – в равновесии центробежных и центростремительных сил. И когда центростремительные – хватательно-удерживающие силы ослабевают, потому что уже все схвачено и аж вываливается из полных рук – начинают преобладать центробежные силы развала.

Любая социальная система проходит свой фазовый цикл существования: зарождение – подъем – плато – пик – спад – крах. Хотя это рабовладение, хоть феодализм, хоть что.

А на смену Риму пришли долгие века дикости. Средневековье. И не было там никаких новых орудий и знаний. Военная демократия германских и кельтских племен была так примитивна, и запросы ее были так низки, что рабам там было особенно и делать нечего. Земли до фига. Тебя определяет твой воинский статус. Поголовная неграмотность, учет в хозяйстве вести невозможно толком, какая латифундия с рабами? Ну, слуги. Ну, крестьянин платит налог рыцарю. Или арендует у него землю. Крепостной строй воцарился надолго, но по сравнению с античностью это было примитивное разгильдяйство с большими вольностями.

Исчезла медицина, живопись и архитектура, воинское искусство и прокладка дорог, гигиена и науки. Что вы. «Но-

вая формация». Ага. Аж население Европы вчетверо сократилось.

Через тысячу лет начался подъем, названный Возрождением! А вы: «Борьба рабов с рабовладельцами, и погибли вместе». От землетрясения тоже гибнут все вместе, но не от борьбы, знаете.

Маркс не углублялся в отношения феодалов и крепостных, и мы не будем. Система феодального соподчинения была довольно сложной. Факт тот, что очень зависимые от феодалов крестьяне вынуждены были работать на них 2–5 дней в неделю и отдавать им большую часть продукции; да еще церковная десятина. И были массовые восстания и жестокие битвы со многими жертвами иногда. Но при этом! На крестьянском хлебе-мясе-вине работали ремесленники, и учили людей грамоте монахи, и начинали открываться университеты, и возводились величественные соборы, и защищали страну войска. А Роджер Бэкон возвращал философии ее смысл, а про Леонардо да Винчи все сами знают.

А наука все быстрее двигала технический прогресс, и промышленная революция прошла по Европе, и набирала силу буржуазия, пока не заявила в 1789 году устами аббата Сийеса: «Что такое третье сословие? Все. Чем оно было в этом режиме до сих пор? Ничем». Хотя сначала буржуазия пришла к власти в Нидерландах, потом в Америке, и наконец Французская Революция переустроила всю Европу.

Пролетариат жил при Марксе ужасно. Можно перечитать

хоть Диккенса, хоть Джека Лондона (он уже – о рубеже XX века). Изматывающая работа, нищенские условия и некуда податься. Десятилетние дети в шахтах и на фабриках.

Элементарная совесть приличных людей многим не позволяла спокойно мириться с таким положением. Ну нельзя же так: мы моемся в ваннах, сытно едим и хорошо одеваемся, не переламываясь в своих умственных занятиях, – а они горбачатся по 16 часов в день и живут в трущобах.

Да, при этом – строились железные дороги, прокладывались телеграфные линии, печатались газеты и плыли через океан пароходы. Рывок технического прогресса в XIX веке был колоссальный.

И завелись рантье. Бульвардье. Расцвела опера, театры наполнились, на выставки модных художников ломились толпы, а моды света менялись каждый сезон. И все это – с капитала промышленников. Кстати, еще и финансистов. Но в основании-то – труд пролетариата прежде всего!

Вот тогда вечная идея, столь же благородная, сколь глупая и губительная – отобрать и поделить все поровну – обрела научные черты. Опять: все зло от собственности. В частности: от частной собственности на средства производства. Господствующий класс, как всегда, эксплуатирует. А угнетаемый, как всегда, с ним посильно борется и мечтает свергнуть.

Простите за цитату:

«В таком случае у меня есть не меньше основания пред-

полагать, что я и один могу справиться с вашим делом». Великолепный Остап Бендер.

И еще раз простите – за негуманитарную лексику:

Система тем (эволюционно совершеннее) потентнее и ее энергосодержимость тем больше, чем выше уровень ее устойчивой неравновесности.

(Для понятности: слой кирпичей на земле – и двухсотметровый небоскреб, сложенный из них. Скидать их на землю просто. Построить из них такое здание со множеством помещений очень трудно, само не построишься, – а если падет, грохота и сотрясения будет много.)

Чем сложнее техника, чем больше научных дисциплин, чем более развиты медицина, образование, металлургия и нефтедобыча и т. д. – тем сложнее социальная структура, необходимая для функционирования всех этих отраслей. А сложная социальная структура – это система со сложной иерархией. А сложная иерархия сама по себе исключает социальное равенство: начальник всегда главнее подчиненного, плановик – исполнителя. Они могут и должны быть равноправны де-юре, но де-факто – у них разный уровень полномочий и возможностей.

Коммунизм – это плоская, двухмерная социальная структура. Все равны и управляют всем сообща.

Дьявол в деталях. Маркс был гений стратегического уровня. На уровень практический он не опускался. А дальше – «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги: а по ним

ходить».

Итак, всем владеют все пролетарии. Общественная собственность. Вот комбинат – 30 000 работников. Вопросы снабжения надо скоординировать со всем процессом. Вопросы сбыта скоординировать. Вопросы финансовые увязать с ними. Юридическая сторона – мы руководствуемся законом. А транспорт? А жилье для работников? А дороги?

Итак. 30 000 работяг собираются на площади, обсуждают круг проблем, намечают кандидатуры, голосуют, выбирают уполномоченных из своей среды. Отделы снабжения и сбыта, бухгалтерия, транспортный и так далее. Для их координации выбирается дирекция.

Вот уже специализация и иерархия. Директор и начальник планового отдела – уже не пролетарии. Служащие. Участвуют в процессе своим умственным трудом. И по факту руководят. Каждому – необходимо много помнить и знать, владеть узкой специализацией. Она нарабатывается, его любым пролетарием не заменишь.

От лица всего пролетарского коллектива комбинатом распоряжается узкая группа доверенных менеджеров во главе с директором. Они не владельцы. Но правящий класс.

То есть. Структура производства возможна только аналогичная капиталистической. Но зарплата одинаковая, и снять тебя рабочее собрание всегда может.

Идеальных и несгибаемых людей нет. Человек изначально грешен. Это всегда знали священники и психологи. На одно-

го чистого и святого – десять нормальных и два мерзавца.

Закон природы не обманешь. Человеку свойственно честолюбие, тщеславие и стремление к самоутверждению. Человек старается занять как можно более высокое место в своей иерархии. И чем энергичнее – тем сильнее стремится.

Люди не равны по уму, энергичности и харизме. Наверх выходят прежде всего те, то выделяется этими качествами.

Начинается неравенство должностей, подчеркивающее неравенство врожденных качеств. У многих из нижестоящего большинства включается зависть. Зависть – естественное природное чувство: это стремление к самоутверждению в «минусовой полусфере»: не могу поднять себя выше – опущу других ниже, и буду выше на относительном уровне.

Лентяи и эгоисты есть всегда – они получают возможность работать спустя рукава за ту же зарплату. Люди очень ценят справедливость: хорошие работяги не захотят вкалывать за бездельников. Конфликты неизбежны.

Ликвидация материального стимула неизбежно снижает производительность труда.

А люди, вкусившие власти, не хотят с ней расставаться. Большинство руководителей постарается остаться на своих должностях всегда.

А поскольку те, кто распоряжается, имеют возможность вознаградить себя больше прочих, то большинство рано или поздно к этому склонится. Комфортные командировки. Пирры на приемах гостей – надо же «произвести впечатление».

Медицинское спецобслуживание: ценные руководящие товарищи должны беречь здоровье ради работы на наше общее благо!

А отношение к общенародной собственности: общее – значит ничье, а немножко и мое: отчего же себе что-то не взять...

И в течение считанных лет! – выстраивается бюрократическая управленческая пирамида, еще более многочисленная и сложная, чем при капиталисте. И расцветает коррупция. И падает производительность.

Капиталист мог выгнать любого, и берег собственные, личные деньги. Когда все хозяева – никого не выгонишь, а общенародных денег, ничьих то есть, не жалко. Прогорим – государство еще даст. И дает!

И! Каким образом?! Боже! Мы построили управленческую структуру, аналогичную капиталистической – только многочисленнее и менее эффективную.

...На деле все пошло иначе.

Капиталисты, сильно напуганные революциями, стали платить пролетариату больше и улучшать условия его жизни.

Забастовки и бунты с их расстрелами полицией возымели эффект: повсеместно создавались профсоюзы, и новые законы защищали права наемных рабочих.

Среди умных капиталистов появлялись «расчетливые гуманисты». Великий Генри Форд создал для своих рабочих условия процветания с сильным социалистическим элемен-

том: самая высокая в мире зарплата, приличное жилье, бесплатные школы и больницы, оплачиваемый отпуск. Труд стал легче, разумнее, рабочий день сократился. Производительность труда на его заводах была высочайшая!

Опыт распространялся, все соки не высасывались, и пролетариат стал зажиточен. И – о подлая человеческая сущность! – он не хотел больше революции.

Как революционный класс – пролетариат исчез!

Он уже получал заметную долю прибавочного продукта.

А где-то работягам стали давать акции их предприятия. А это – соучастие во владении и прибылях. Элементы корпоративного общества.

...Ну, а к 2020-му году стало очевидно, что для коммунизма История не оставила уже времени и пространства. Электронно-кибернетическое производство эпохи глобализации сделало пролетариат вовсе ненужным...

Постмаркс

Соответствие социальной структуры общества и уровня развития технической и промышленной базы – есть взаимообусловленное единство двух аспектов одного явления, и устанавливается не параллельно даже, но совместно и воедино. Единство производительных сил и производственных отношений – так это называется в марксистской экономике.

И рабовладение, и феодализм, и капитализм – это единство материальной базы и управленческо-координационной структуры с ее социальной иерархией. Как телу и его функциям соответствует мозг определенного размера и формы, управляющий всеми функциями тела – так материально-производственной системе социума соответствует оптимальная координационно-управленческая иерархия, управляющая всем ее функционированием.

Более того: в социальном устройстве системы нерасторжимо связаны все культурные аспекты: одежда, искусство, этика и эстетика, ментальность и быт. Недаром мудрые реформаторы – как Петр I или Кемаль Ататюрк – желая воссоздать у себя в стране развитую экономическую и военную модель Запада, вводили ее воедино с западным типом одежды и развлечений, протоколом общения и всем корпусом обычаев и традиций, ломая старый культурный уклад.

Умный реформатор понимает: научный, промышленный

и военный подъем – есть продукт и следствие всего уклада отношений и ценностей в обществе, плод политической структуры и законов государства – а они неразрывно связаны с самоидентификацией людей и групп, с моралью и свободой – свободой! Научно-промышленный успех – это материализация мировоззрения, системы отношений и ценностей: а в системе взаимосвязано все! Поэтому Петр брил бороды и заставлял курить, а Ататюрк запретил фески и паранджу.

Таким образом. Сохраняя материальную базу капитализма. Сменить на ней «надстройку», а вернее – всю управленческо-координирующую систему – есть элементарная ошибка. Разрушение единства системы и уклада может иметь следствием только разрушение базовой экономической части, на которую пытаются насадить принципиально иной способ управления.

Маркс решительно не обращал внимания на ИНФОРМАЦИОННУЮ составляющую экономики. Капиталистическое предприятия в частности. Он полагал возможным и прогрессивным сменить всю информационную систему руководства предприятием и его связей: сменить схему материальных стимулов, схему ответственности, схему реагирования на сигналы и принятия решений, схему партнерских связей и сбыта – и после этого рассчитывал на функционирование материальной базы с прежним и даже большим успехом.

Капиталиста нет без эксплуатируемых пролетариев? Но

и пролетарии сдохнут на улице с голоду без капиталиста: его инициативы, изобретательности и руководства, а также без привлеченных им инженеров, изобретателей, техников и ученых, без которых создание и функционирование завода невозможно. Без всего информационного обеспечения – завод есть груды мертвого бесполезного металла и кирпича. А ученый, изобретатель, конструктор и менеджер – по определению не пролетарии: они продают информацию, которую генерирует их мозг. И отделившаяся от создателя информация является самостоятельной ценностью.

Элитой капиталистического процесса является креативный класс. И: пролетарий легко заменяем – а креативный интеллектual нет. Ибо информация первична.

Тот, кто не понимает единства информационной и материальной сущности любой структуры, обречен на провал.

И на пространстве от рабовладения до капитализма Маркс и Энгельс не только понимали, но и утверждали единство социальной системы и ее экономического базиса! А дальше – мечта простирала розовые крылья, снизу выпускались железные когти насилия, и летательная конструкция с треском обрушивалась на камни ровно столько раз, сколько пыталась взлететь.

Коммунизм по Марксу – это процветающий капитализм, только без капиталистов. В идиллическом бесконфликтном обществе братства, любви и гармонического развития. А это как? А все занимаются спортом, пишут стихи, рисуют карти-

ны и размышляют о вечном. Идиоты. Никто не хочет съесть конкурента, никого не разбивает инфаркт от рабочих забот, никто не боится безработицы, никто не пашет 18 часов в сутки, жажда стать миллиардером; никого нельзя уволить с работы, и умный не может приказать глупым: делать как я сказал! Никто не учится долгими ночами, чтоб выдержать конкурс и занять лучшее место. Никто не напрягается, потому что незачем.

Вместо управленческой пирамиды во главе с кровно заинтересованным владельцем, который не связан в своих действиях – будет самоуправляемая лепешка равных ответственностей и интересов. То есть. Информационная схема координации и управления принципиально иная.

Ну так к управленческой лепешке – вы получите промышленную лепешку. Чтоб не сказать хуже. Они вам наработают.

Маркс бесхитростно полагал, примитивизируя диалектику социальной эволюции, что когда капитализм создаст очень-очень много богатств и очень-очень высокий уровень развития техники – то это количественное нарастание машин и приспособлений, совокупно с ростом огромных масс пролетариата на предприятиях – перейдут в качественное изменение строя: капиталисты окажутся уже ненужным меньшинством, пролетарии их уничтожат и вступят в законное владение сказочными богатствами сами. Вернут себе продукты своего же труда. И будут их преумножать, в справедливом и счастливом обществе трудящихся.

Что тут вам сказать...

Во-первых, человек создан не для своего счастья, а как часть и орудие природы, эволюции Вселенной, и его функция во Вселенной – максимально возможно и быстро изменять ее, ускоряя ход энергоэволюции. Поэтому, волею социальных конструкторов предаваясь «своему гармоническому развитию», он деградирует, ищет приложения сил и затевает войны и мятежи, потом впадает в депрессию и перестает размножаться.

Нет, Маркс с Энгельсом – это какой-то Руссо с его благородными дикарями в высокотехнологичном промышленном лесу.

Во-вторых, социальная эволюция, как и любая, генеральной линией развития имеет усложнение форм и повышение энергосодержимости – но никак не упрощение структур с повышением, соответственно, энтропии. «Бесклассовое общество» есть эксцесс социальной энтропии – что возможно только как стадия разрушения и гибели.

А в-третьих, разрушение единства материальной структуры и единой с ней структуры социальной, то есть единой цивилизационной структуры – есть полная невозможность. Типа вставить в голову прыгуна мозг шахматиста: мышцы остались, координация и резкость исчезли, тело прыгать не сможет. Как и тело шахматиста с его двигающей фигуры рукой не сможет играть, получая команды от мозга прыгуна.

...О том, что наступает в XXI веке вместо обещанного

коммунизма – мы поговорим в другом месте. Увы – действительность отнюдь не радужна.

Закон малой группы

Принципиальная и губительная ошибка всех социалистических и коммунистических учений заключается в том, что социальную психологию человека малой группы, так называемой «прямой группы», они механически переносят на человека больших групп, косвенных и неограниченных.

Прямой группой я называю группу от пяти до сорока пяти человек, где все близко знакомы друг с другом и объединены общностью места и действия. Это может быть школьный класс, или рабочая бригада, или армейский взвод (иногда рота), или геологическая партия. Ты знаешь каждого в лицо и по имени, можешь всегда обратиться к нему за помощью или он к тебе, вы все на виду друг друга подолгу ежедневно и т. д. Вы соседи, партнеры, коллеги, вас связывают личные отношения – пусть разная степень дружбы, приятельства, доверия, взаимопомощи. Ты не возьмешь кусок камрада, не присвоишь его вещь, не увильнешь от работы, когда он пашет (армейскую дедовщину мы не берем, там агрессивная традиция тюрьмы).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.